

МАРИНА

ПРОБКОВА

ТЕХНО- ВЕДЬМА

МАСТЕР
ДВЕРЕЙ

Марина Дробкова

Мастер дверей

Серия «Техноведьма», книга 3

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25578365
Марина Дробкова Мастер дверей:
ISBN 978-5-353-08408-2

Аннотация

«Мастер дверей» – третья книга в серии Марины Дробковой «Техноведьма». В необыкновенном мире, где живет Аня Пчелкина, должно быть место всем: людям, техно, искинам и волшебным существам. Во всяком случае, таким он был задуман своим творцом. Но что-то пошло не так, и обитатели Спящего архипелага оказались на пороге войны всех со всеми. Как вернуть миру утраченное равновесие? Стоит ли вступать в опасную игру, которая уже идет на островах архипелага и вот-вот начнется на другом уровне – в далекой и высокой башне? Ане и ее друзьям предстоит принять непростое решение. Кто же поможет им сделать правильный выбор?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	31
Глава третья	52
Глава четвертая	75
Глава пятая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Марина Дробкова

Мастер дверей

Серия «Техноведьма»

В серии «Техноведьма» вышли книги:

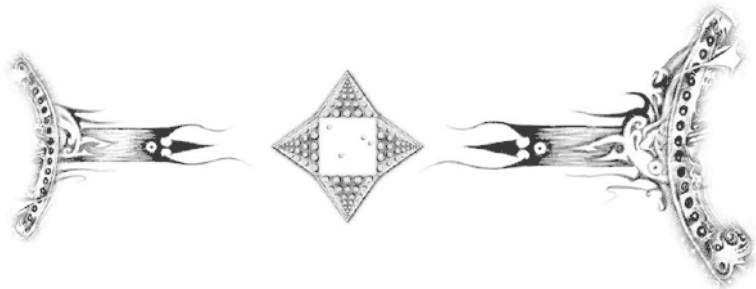
1. Имперский марш
2. Правило четырех
3. Мастер дверей

© Марина Дробкова, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

*Автор благодарит админов фангруппы
«Техноведьма» Максима Малярчикова и Андрея
Почивалова за поддержку и вдохновение при
написании этой книги.*

Земля, кораблик храбрый мой.
Наполнит парус звонкий голос.
И в море, черном, словно космос,
Сияет звездный путь. Домой
Сквозь светлый лес бежит дорога,
Четыре сходятся в одном,
Один подружится с нулем,
И солнца станет очень много!

Глава первая

Перевернутый кубок

Опасный мост

Безымянный

Остров-скала, остров-грот одиноко высился посреди моря. Ветер швырял волны на стены, распугивал свистом птиц, трепал волосы стоящим на крыше грота собеседникам: крылатому человеку в черном костюме и бородачу в плаще. Плащом, как и крыльями, ветер тоже поигрывал время от вре-

мени, внезапно налетая, чтобы тут же унести прочь.

Бородач держался на расстоянии и на крылатого посматривал с опаской. Тот же не сводил глаз с блестящего предмета в его руках. Странную вещь можно было бы описать как перевернутый вверх дном кубок без ножки, дно которого венчал хрустальный шар в обрамлении лаврового венка. Наконец грифон – думаю, читатель узнал обоих героев – перевел взгляд на Тима.

– Зачем звал? Да что ты жмешься к краю, неужели боишься? – усмехнулся он. – Артефакт приволок зачем-то. Им можно защититься, разве что огрев меня по голове. Не понимаю, зачем тебе это. – Грифон пожал плечами.

– Тебя испугаешься, – с притворным ужасом заявил страж, – если даже самые жалкие из твоих вассалов легко отнимают волшебные медальоны у техноведьм.

Грифон поморщился:

– Уже знаешь...

– Конечно. Еще бы! – воскликнул Тим. – Волшебные предметы не теряются из поля зрения. Если, конечно, вовремя позаботиться об их сохранности! – И он потряс артефактом. – Не хотелось оставлять без присмотра. А то пока я тут с тобой откровенничаю, кто-нибудь влезет...

– Носишься со своими игрушками, как будто это что-то до невозможности ценное! От знания, которым владеет парочка оборотней, остальным пользы все равно нет.

– Ты прекрасно знаешь, что в манарах¹ не только знания! С помощью «Звонкого голоса», например, можно вырвать человека из лап Глубокой печали.

– Вот счастье-то! – усмехнулся грифон. – Одной лишней особью больше. Так для чего ты хотел меня видеть?

Страж стал серьезным:

– Предлагаю выяснить отношения.

– Прошлого раза недостаточно?

– Прошло пятьсот лет! – возразил Тим.

– Разве произошли существенные изменения? Я их не вижу. Люди остались прежними, животные – тоже. А роботы только подчеркивают разницу между первыми и вторыми.

– Ты намеренно проигнорировал четвертую сторону? – съехидничал Тим.

– Твои техно ничего не могут без своих побрякушек.

Грифон достал из кармана медальон и встряхнул цепочку. Металлический кругляш закачался под ветром, словно маятник.

– То-то она тебя едва не сделала, – не удержался страж. – С неработающей-то побрякушкой. Не предложил бы ничью – и победила бы!

– Чушь! – рявкнул грифон. – Она – девчонка. Соплячка. Никто!

Тим захохотал:

¹ Манар (*араб.*) – сигнал, маяк, светящийся. В мире Спящего архипелага так называются волшебные шары. (*Примеч. автора.*)

– Убеждай в этом себя, если хочешь. Меня ты не обманешь. Я тебя за пять веков изучил как собственный дом.

– У тебя никогда не было собственного дома! Все только чужое. Мир, который ты создал, не твой. У тебя столько же прав на него, сколько у самки орлана – на яйцо. Пока высиживает... Ладно, пока кормит детеныша и учит летать, она остается матерью. Как только он достаточно оперился и может сам добыть себе лосося – все, прощай. Любуйся издали.

Тим ответил не сразу. Он смотрел на волны, ветер трепал его бороду. В небе кричали чайки, вдалеке над водой мелькнул белый холм, над ним взвился фонтан. Дельфиноптер. Наконец Тим повернулся к грифону:

– Я творец. Тому, как делается мир, меня учили те, кто умел это лучше меня. Не имею прав, говоришь? Мое создание – не младенец, я отпустил его, он дышит и барахтается сам. А хорош или плох... Судить не нам, а тем, кто в нем живет. Если можешь, сделай лучше.

Дослушав эту тираду, грифон шумно выдохнул:

– Ладно, хватит лирики. Итак?

– Орланы объединяются с техно. Что ты намерен делать? Я полагаю, нам следует готовиться к войне?

– С чего ты взял, что я вот так просто выложу тебе свои планы? – спросил грифон, убирая медальон в карман. Впрочем, удивления в его голосе не было.

– Куда ты денешься, – себе под нос буркнул страж и добавил громче: – Конечно выложишь. Тебя ведь так и подмы-

вает. А если не мне, то кому же?

Грифон коротко рассмеялся, но ничего не ответил. Он медленно развернул крылья и легко поднялся в воздух.

– Ну так что? – задрав голову, крикнул страж вслед удаляющемуся темному силуэту.

– Готовьтесь... – донеслось еле слышно.

Аня

Кто-то плеснул мне в лицо соленой водой прямо из ведра! Да они что, с ума сошли?!

И я проснулась. Ах... это море. Мы все еще в пути, и волны стали большими. Я попыталась ухватить за хвост ускользающий сон: грифон и Тим. Они о чем-то разговаривали, но я помнила только: «Готовьтесь к войне». К какой войне, этого еще не хватало! С кем? Для чего?

Тряхнув головой, я смахнула с лица воду ладонями и едва успела уклониться от новой волны.

Наш транспорт не двигался. Рядом спал Руби, свесив голову на грудь. Он сидел в середине, и до него долетали лишь брызги, совершенно не беспокоя. Мой брат так безмятежно посапывал, словно находился дома в удобной кровати, а не в катамаране посреди Бескрайнего залива.

– Доброго дня, Аня.

Это произнес искин. Он улыбался. Надо же! Не думала, что они такое умеют.

– Доброе утро... Ах да, уже день. Мы, наверное, почти

приплыли?

Я приподнялась на сиденье, стараясь разглядеть впереди очертания острова. Но полоска неба у горизонта – как и море, которое с ним сливалось, – была темной, словно крыло летучей мыши.

– Там что... гроза? – вырвалось у меня.

– С вероятностью девяносто четыре процента шторм в девять баллов.

– А Светлоярск? Мы не доплывем? – с тревогой спросила я.

– Направление, в котором ты смотришь, не соответствует местонахождению острова Светлоярск. Твой взгляд направлен на юго-восток – в сторону Светлого моря.

– Это – Светлое? – недоверчиво переспросила я, разглядывая черноту впереди. – Где же тогда мой остров?

– Он должен быть здесь.

Итан вытянул в сторону левую руку. Но как я ни всматривалась, ничего, кроме воды и облаков, увидеть не смогла.

– Сколько же нам еще плыть? Я думала, Светлоярск ближе!

– Согласно данным навигатора он прямо по левому борту. В нескольких метрах.

– Что? Где?!

– Здесь, – повторил Итан.

Шутит? Но он же искин...

– Я ничего не вижу!

– Мой визуальный анализатор также не улавливает признаков существования острова.

– Мы что, заблудились?!

– Нет. Навигатор утверждает обратное. Мы достигли цели.

Техмат издал уверенный гудок.

– А... что? – пробормотал Руби, на секунду открыв глаза, и завалился набок, уткнувшись Итану в плечо.

Вот братец! Спит, как медведь зимой, и хоть бы что!

– Навигатор сломался, значит! – воскликнула я.

– Нет, он исправен. Недавно мной произведен апгрейд всех систем. Техмат тоже подтверждает наличие острова в этой точке координат.

– Вы с Техматом издеваетесь надо мной, да? – жалобно спросила я.

– Искусственный интеллект не обладает такой способностью. Техническое устройство, снабженное термоэлементом и турбопарусом, не обладает...

– Где мой остров? – закричала я.

– На этот вопрос у меня нет ответа. Но я могу предложить решение.

– Какое?

Настроение мгновенно упало. Плыли, плыли и... приплыли, называется.

– Мы можем взять курс на Рока-Алада. Мой визуальный анализатор фиксирует его нахождение в стандартной точке.

Итан показал направление. Но и в той стороне я не увидела ничего, кроме неба и моря.

– Человеческий глаз обладает чуть меньшими возможностями, – словно прочитал мои мысли Искин. – Ты сможешь увидеть остров по истечении часа.

– Рока... но там же орланы!

Я думала, Итан опять начнет про свои проценты вероятности, но он сказал только:

– На данный момент я нахожу этот вариант единственно верным. Остаться здесь – опасно для НИ. У нас нет запаса пищи, запас воды на исходе.

Воды действительно оставалось всего полбутылки от двух, и все это выпила я, Руби все время дрых. Мужественно решив не прикасаться к остальному – а то совсем нечестно, – я запихнула бутылку под сиденье, чтобы не маячила перед глазами. Хорошо, что Итан вообще догадался взять пресную воду, а то бы...

Руби всхрапнул и поудобнее положил голову на плечо своего «папы».

Я совершенно растерялась. Так стремилась на Центральный, чтобы найти брата, а он знать меня не хочет. Хотела вернуться на Светлоярск, но мой новый друг Арт предложил мне пожить в его семье – это означало ходить в школу, где изучают совсем другие предметы, не как у нас, слушать электрогитару, играть с его славной племянницей Елкой... Согласилась было остаться на Центральном – так при-

шлось срочно бежать, потому что местная юниор-полиция мною слишком заинтересовалась. И вот теперь мы в двух шагах от дома (если Итан не обманывает, что вряд ли), а дома нет. Опять скитаться. Хотя... На Рока-Алада я еще не была. Может, там интересно...

– Поехали, – сдалась я.

А что еще было делать?

Итан кивнул, Техмат, радостно библикнув, развернулся правее, и мы тронулись.

Рока-Алада так Рока-Алада.

Итан – или сам Техмат, я путаю, кто из них управляет, – прибавил ходу. Я только сейчас подумала: как хорошо, что на мне искинский комбинезон. В прежних джинсах с дырами на коленках я бы уже закоченела.

Надеюсь, до орланского острова мы доберемся быстро.

Погода начала портиться. Усилился ветер, море швыряло Техмата, словно мяч. А вместе с ним летали с волны на волну и мы. Руби проснулся и долго протирает глаза, пытаясь вспомнить, как здесь оказался.

– Осторожнее с линзами, сын, – произнес Итан.

И Руби окончательно пришел в себя.

– Мы еще не на месте? – пробормотал он, озираясь.

– На месте. Остров Рока-Алада перед тобой.

Впереди действительно отчетливо виднелся крутой берег. По краю выстроились огромные деревья с густыми, толстыми ветвями. Вот, значит, где живут наши полицейские...

– Разве мы плыли не на Светлоярск, папа? – спросил Руби, помотав головой.

Видимо, он сомневался, точно ли проснулся.

– Светлоярск обнаружить не удалось, – помедлив, ответил искин.

Руби захлопал глазами и только открыл рот, чтобы что-то спросить, как вдруг в небе прямо над нами оказались три серых с белым орлана. Руби с Итаном тоже увидели их и задрали головы. Птицы одновременно снизились, зависнув над катамараном. Потом одна опустилась прямо на нос Техмата, а две другие теперь летели позади.

Под тяжестью орлана – это ведь не ворона – катамаран тут же наклонило вперед, а мы чуть не ударились лбами о прозрачную загородку. К счастью, птица тут же поднялась, и Техмат выровнялся. Орлан стал медленно кружить перед носом у катамарана. Итан произнес:

– Он требует, чтобы мы следовали за ними.

– А вы его понимаете? – Я очень удивилась.

– Да. Он общается напрямую с моим процессором.

«Ну и ну!» – только и смогла подумать я.

Так мы и плыли дальше: с одним орланом впереди и двумя позади. Крутой берег с рядом деревьев пришлось обогнуть, и мы оказались в узком, длинном заливе. Я засмотрелась: с двух сторон потянулись высокие зеленые холмы. Поверху, вровень с нашим катамараном, бежало какое-то животное, длинноногое, с тонкой шеей и, кажется, маленькими рожка-

ми, хотя отсюда было не очень хорошо видно. А впереди...

– Это горы, да? – воскликнула я, прежде чем мне пришло в голову: а стоит ли вообще задавать вопросы, может, лучше помалкивать?

– Ты никогда раньше не видела гор? – повернулся ко мне Руби.

– Откуда?... – пожала я плечами. – У нас только скалы, они не такие высокие. И фьордов нет.

– Откуда ты знаешь, что это фьорд?

Я промолчала. Откуда-откуда! На пазлах видела потому что. Не очень-то мне хотелось с ним разговаривать после того, как родной братец, больше того – брат-близнец, заявил, что появление сестры его всего лишь «не напрягает». А я так рвалась к нему! Было все еще обидно, даже слезы подступили, когда я вспомнила, чего он наговорил мне, да еще в день рождения! Но я сдержалась и не заплакала.

– Да, это горы, – наконец подал голос Итан. Видимо, до этого не хотел перебивать нас. – Основное жилище орланов.

– А знаешь, почему Рока-Алада так называется? – снова заговорил Руби.

Голос его был... если не виноватым, то, я ручаюсь, слегка растерянным. Неужели хочет наладить отношения? Да нет, с чего бы?

– Нет, не знаю.

– По отдельности «рока» – это скала, а «алада» – крылатая. Не совсем точный перевод с иностранного языка, но по-

лучается «крылатая скала».

– Понятно...

Надо же! Столько лет знаю про этот остров, но мне никогда не приходило в голову, что его название может что-то обозначать. Наверное, я просто слишком привыкла к нему.

Горы как будто бы совершенно не приближались. Одна из вершин была такой высокой, что терялась в облаках. Облака, казалось, даже распластались по склону.

– А как на ней держатся облака? – Я не заметила, что думаю вслух.

– Примерзли! – фыркнул Руби.

– Примерзли?

– Ты видишь снег, – объяснил Итан. – В горах очень холодно. Это самая высокая вершина, она называется Дар-Эль-Альма.

– Это тоже как-то переводится? – нахмурилась я.

– Это значит... – начал было искин, но в этот момент мы подплыли к причалу.

Пристань была совсем маленькой. Просто плоский каменный выступ скалы с вделанным железным кольцом довольно высоко над водой. Наверное, потому что сейчас отлив. Мы так увлеклись разговором, что вообще сначала ее не заметили.

Орланы одновременно снизились, ударились о каменную площадку, вышли из трансформации, и мне стало смешно. Их белая с серым форма была слишком похожа на комбине-

зоны, в которые были одеты мы, все трое. Сойдем за мест-
ных, если что?

Итан бросил одному из них веревку, и тот, ловко затянув
узел, привязал ее к кольцу.

– Выходите! – скомандовал другой.

Сбоку в скале были выдолблены ступени – довольно уз-
кие. Нам с Руби еще ничего, но как взобраться Итану, не
представляю. Не очень-то удобно ставить на них ногу.

Однако искин справился легко.

Поднимаясь, я размышляла, почему он не представился,
как делал всегда при встрече: «Меня зовут искин Итан» и все
такое. Хотя он же сказал, что орлан как-то общается с ним
напрямую, мысленно, что ли. Может, они уже друг другу все
выложили, это только мы с Руби до сих пор ничего не пони-
маем.

– Я был на Рока-Алада, – вполголоса заметил Руби. – На
экскурсии. Но аквабусы швартовались к большой пристани.
А вокруг там все было оборудовано для туристов: удобные
лестницы, смотровые площадки... А тут дикость какая-то.

Один из орланов услышал и усмехнулся:

– Ты и не турист, техно. Сейчас ты – пленник.

Руби чуть не споткнулся и обернулся к Итану:

– Папа, ты же говорил, что...

– Спокойно, сын. Скоро мы получим информацию в пол-
ном объеме.

– Тут вы правы, – заметил тот же орлан. Наверное, глав-

ный. – Следуйте за нами.

От причала начиналась узкая тропа, она забирала круто вверх, в гору. Идти пришлось друг за другом, по одному, да еще держаться рукой за стену – на всякий случай. Один из орланов – не главный – снова вошел в трансформацию и теперь медленно летел над нами. «Начальник» вел нас за собой, третий – замыкал шествие. Итан шел между мной и Ру-би.

Я смотрела в спину главному орлану. Он немного напоминал нашего комиссара – все оборотни в каком-то смысле одинаковые. Но с комиссаром мы бы, конечно, чувствовали себя уютнее. Привычнее.

Слева тянулся обрыв.

– Не споткнитесь, дети. Осторожнее, – услышала я позади голос искина.

– Эта часть острова не приспособлена для перемещения людей пешком, – вежливо пояснил главный орлан, чуть обернувшись. – Но придется вам потерпеть.

Да уж, придется. Деться-то все равно некуда. Может быть, с Центрального убежать вообще не стоило, кто знает... Итан и ошибиться мог.

От этой мысли меня прошиб холодный пот. А что, если они нас просто...

Я вздрогнула и вцепилась в каменную стену. Сердце застучало так сильно, что его наверняка слышали все мои спутники. Главный орлан вновь обернулся, внимательно по-

смотрел на меня.

– Вашей жизни ничто не угрожает, – произнес он и добавил: – Бояться не стоит.

Я взглянула ему прямо в глаза. Телепат? Может, ему вообще все равно – читать в голове у человека или у робота. Вроде не врет. Да и какой смысл?

Кое-как оторвав себя от стены, я смогла двигаться дальше.

Идти становилось труднее с каждым шагом – мы все еще поднимались, а на тропинке начали попадаться камни, иногда не очень-то и маленькие. Я смотрела теперь только себе под ноги, поэтому возглас Руби застал меня врасплох.

Я бросила взгляд налево и замерла. Там, за пропастью, был замок. Огромный, красивый, с башнями, поднимающимися прямо из скал, круглыми окнами и флагами на шпилях. Флаги были такого же зеленого цвета, как одна из нитей в моей фенечке-проводнике. Хотя Тим назвал его не зеленым, а...

– Цвет морской волны! – вырвалось у меня.

– Если ты о нашем знамени, то его цвет называется «светлое зеленое море», – сообщил, останавливаясь, главный орлан. – Почему тебя это интересует, техно?

– Просто так, – смутилась я.

– Наш флаг очень древний, и его цвет имеет определенное значение. Но это сложно будет понять ребенку-техно.

– «Несовершенство мира», – вспомнила я слова Тима.

Орлан взглянул на меня внимательнее. Ни злости, ни

ненависти в его лице не было, как не было и радости. Простая заинтересованность.

– Откуда тебе это известно?

Я не знала, что ответить. И надо ли что-то отвечать. Поэтому опустила голову.

Орлан вздохнул.

– Идемте. Осталось недолго.

Подъем наконец-то прекратился, идти стало легче. Дорога впереди сворачивала влево и хорошо просматривалась. Я поняла, что она ведет нас прямо к замку.

Издалека доносился мелодичный звон. Что там такое, интересно?

Внезапно тропинка вывела нас на широкую площадку. Орлан, до сих пор летевший над нами, снизившись, уселся на краю. Вид, открывавшийся отсюда, был восхитительным и страшным одновременно. Далеко внизу бушевало море. Ему было тесно между двух каменных стен. Впереди площадка переходила в каменный мост – без перил, но широкий. Три человека свободно проходили по нему в ряд. Вот только он быстро заканчивался. А дальше начинался мост подвесной – длинный, узкий, опасный. Звенел именно он. Перила у моста были веревочные. Но много ли пользы от перил, если доски расположены далеко друг от друга. Да это даже и не доски, поняла я, подойдя ближе, а просто толстые ветки деревьев. Сучья, увязанные с двух сторон веревками в длинную-длинную дорожку, лежащую на каркасе. И нам сейчас придется

по нему идти?! Вот это да... Вдобавок ко всему мост непрерывно покачивался.

— А что звенит? — спросил Руби таким спокойным тоном, как будто только это сейчас имело значение. Самый храбрый нашелся, что ли?

— Есть вариант: колокольчики, — ответил Итан, указывая на перекладины.

И тогда мы заметили, что снизу вдоль всего моста тоже протянуты несколько веревок, а к ним на одинаковом расстоянии привязаны какие-то штучки, напоминающие колокольчики, в какие у нас в интернате учителя звонили на урок и с урока.

— Для чего здесь колокольчики? — не унимался Руби.

А мне захотелось его стукнуть. Вот зануда! Подумал бы лучше о том, как нам сейчас идти по этому... этим... ужасным... качелям!

Перед глазами неожиданно всплыла картинка: я сижу в самом центре этого мостика, свесив ножки, и раскачиваюсь, раскачиваюсь, а в ушах свистит ветер.

Видение было до того реальным, что я вскрикнула.

— Ты чего? — удивился Руби.

— Ничего! — зло ответила я и отвернулась.

— Здесь часто бывает густой туман, — рассказывал тем временем главный орлан. — Глиняные бубенчики подвешены для того, чтобы молодняк случайно не наткнулся на мост в полете. Кроме того, при снижении видимости так удобнее

нащупывать перекладыны – бубенчики располагаются точно под ними.

– Правильно ли я расцениваю нашу задачу как необходимость перейти ущелье? – спросил Итан.

– Абсолютно! – подтвердил орлан. – Мы должны попасть в замок.

– Существуют ли другие способы проникновения в замок?

– Безусловно. Но лишь для орланов. В вашем случае их количество равняется нулю. Надеюсь, это понятно?

– Да.

Да они спелись, похоже! Вон как отлично понимают друг друга, даже разговаривают одинаково.

– Я не могу расценивать степень безопасности этого пути как достаточную для НИ, – изрек искин.

Ну, слава гоблинам. Вспомнил про нас!

– А как вы расцениваете вероятность быть сброшенным с площадки как бесполезный для орланов объект? – без улыбки поинтересовался орлан.

Я невольно прижала руку к груди. Нет, только не это!

Руби побледнел, глаза его стали огромными и совсем круглыми – так мне показалось.

– Как довольно высокую, – ответил Итан.

– Тогда не умничайте, господин искин. Я иду вперед, за мной девочка, потом вы, следом – мальчик. И замыкает мой помощник. На случай падения уно Илья остается в режиме

полета. Подхватит. Но если никто из вас не будет делать резких движений, этого не понадобится.

– Принято с поправкой, – отозвался Итан.

– С какой же? – Орлан недовольно поднял бровь.

– В случае моего падения считаю вмешательство орлана нецелесообразным. Мой вес превосходит возможность...

Орлан перебил:

– А вы собираетесь падать, господин искин?

– Нет.

– Ну тогда отмена, – развел руками орлан. – Всем приготовиться! Идешь за мной. – Он наставил на меня палец. – Ступай точно на перекладины, ширины шага тебе хватит. Держись за перила. Остальные делают то же самое. Вниз не смотреть. Вперед!

Он повернулся к нам спиной. Мы гуськом зашагали по каменному мосту. Море внизу разбивалось о стены, протестуя и злясь. А мы могли только молчать и подчиняться.

Наконец орлан шагнул на висячий мост. Легко-легко. Он даже не держался за перила. Мост как будто и не почувствовал этого.

Я схватилась за перила и осторожно поставила одну ногу на ближайшую палку. Потом неимоверным усилием воли оторвала от земли вторую и поставила рядом. Мост качался, конечно, но пока не смертельно.

Я испытала чувство, какое бывает, когда все это уже про-

исходило с тобой. В прошлый раз мне пришлось перелезть с крыши на крышу. Теперь вот иду над ущельем. И неизвестно, где выше и опаснее. Но там, по крайней мере, под ногами была твердая опора, а здесь качельки! Хотя, с другой стороны, если бы устали и разжались руки, там я просто полетела бы вниз. А здесь этого не произойдет. Интересно, какие гоблины все время выбирают для меня столь опасные пути?

Пройдя несколько шагов, я немного успокоилась. Все-таки впереди уверенно шагал орлан, позади – искин, я чувствовала их присутствие, а значит, и поддержку.

Я старалась ступать аккуратно, сначала убедившись, что сук прочный и нога не соскользнет. Немного привыкнув и перестав стискивать перила так, будто хочу придушить кого-нибудь, я стала осторожно осматриваться.

Горы – куда ни глянь. Наверное, нас занесло в самое сердце острова. В вышине, то там, то здесь, мелькают птички трюгольники.

Каждый мой шаг отзывается звоном; и бубенчики разные – у одних голос тоньше, чем у других. Может быть, на них даже можно было бы сыграть какую-нибудь мелодию.

Мы шли, мост качался. Никто не разговаривал. Два раза я осторожно оглядывалась: искин был, как всегда, спокоен, а Руби выглядел очень сосредоточенным и, не отрываясь, смотрел под ноги.

Фьорд мы миновали, и под нами теперь тянулась площадь перед Орланским замком. Как чудно устроено: большой по-

лукруглый вход далеко внизу, рядом с ним стоят какие-то повозки. Мост ведет нас к террасе с перилами, выше начинаются окна – множество огромных окон. Время от времени в какое-нибудь из них залетает орлан или вылетает оттуда. Еще выше – площадки в несколько уровней, соединенные лестницами. А между террасой и нижним входом – голая скала, стены без окон и дверей. Как будто есть верхний замок и нижний замок, и они никак не соединяются.

В это время огромная стая приземлилась на площади, все, как один, орланы вышли из трансформации, выстроились ровными рядами и принялись маршировать, как мы на физкультуре. Только у них это получалось слаженно и красиво.

Вот мы и достигли террасы. Какое счастье, что можно наконец передохнуть и не раскачиваться на ветру! Я ошиблась: это еще не сам замок, а круглая башня перед ним. Вслед за орланом я вошла внутрь, за нами последовали и остальные, даже тот оборотень, которого называли «уно Илья». В башне находились двое караульных, при виде нас они вскочили и отдали честь главному – так же как это обычно делают полицейские: вскинув крыло, ну или руку, как сейчас. Пока начальник – его называли майором – давал остальным какие-то указания, мы просто толпились у стенки, не зная, куда себя деть и что нас теперь ждет. Разговаривали оборотни между собой мало, короткими, отрывистыми фразами. Казалось, что остальное они передают мысленно. А может, они просто очень хорошо понимали друг друга и без слов. Наконец май-

ор кивнул, а уно Илья, уже в образе человека, велел нам с Руби идти с ним.

– Папа, но как же ты! – воскликнул было мой брат.

– Не волнуйся, сынок. Мы скоро увидимся. Иди спокойно и выполняй команды.

Руби сморщил лоб, сжал кулаки, но ничего не сказал. Я помахала искину на прощание рукой, и мы с братом вышли вслед за уно Ильей в противоположную дверь.

За ней снова тянулся каменный мостик – короткий, узкий и с перилами. Он вел на стену замка, к полукруглому окну. Или, точнее, входу. Между башней и замком располагался небольшой закрытый дворик, в нем тоже находились орланы. Их было немного, около десяти. Они перепархивали с места на место и вообще вели себя странно: иногда насакивали друг на друга, норовя клюнуть в шею или грудь. Раскрывая крылья, они иногда поднимались в воздух, но как-то неуклюже, тяжело и не пролетали больше трех – пяти метров. Я уже хотела спросить нашего спутника (или, правильнее сказать, тюремщика, – не хотелось бы так думать), что такое вытворяют орланы, как вдруг заметила чуть поодаль еще одного. Мы находились довольно высоко над землей, а о размерах сверху судить трудно. Но этот орлан, сидящий в стороне и наблюдающий за остальными, был заметно крупнее их. Вот тогда я все поняла.

– Это дети, да? – С интересом разглядывая птичек, я даже остановилась.

– Молодняк на прогулке, – ответил уно Илья.

Руби тоже смотрел во все глаза. Мне хотелось задержаться на мостике подольше – ведь я еще ни разу не видела птенцов орланов. Но нам не разрешили.

Через круглый вход мы попали в полутемный зал, больше напоминающий пещеру, и сразу повернули направо. Здесь начинался пологий подъем без ступеней, просто пол уходил вверх. Вскоре мы вышли в широкий коридор, из которого вело сразу несколько выходов. Уно Илья выбрал один из них. И вновь коридор, уходящий вверх, снова несколько проходов, и орлан опять уверенно выбрал нужный. Как он ориентируется тут в полутьме, было совершенно непонятно. Я бы точно заблудилась, уверена, что и Руби – тоже.

Наконец впереди стало заметно светлее, и мы очутились в просторной комнате. В одной из стен было огромное продолговатое окно. Вдоль двух других стояли кровати, посредине торчал круглый стол, а один из углов был отгорожен деревянной переборкой.

– Вы останетесь здесь до прояснения ситуации, – наконец заговорил уно Илья. – Сейчас вам принесут еду.

И прежде чем Руби, всегда готовый возражать, успел произнести хоть слово, орлан исчез тем же путем, что и привел нас сюда.

– Что это такое! – закричал мой брат и в гневе кинулся на кровать, принимаясь молотить руками по постели. – Как это называется! Почему они так обращаются с нами! Где мой

отец?!

Я совсем не ожидала от него такого и теперь не знала, что делать. Стояла посреди комнаты и смотрела, как он дубасит подушку. Довольно быстро Руби выдохся, уронил голову на постель и затих. Мне стало его жалко. Я подошла и присела на краешек кровати, намереваясь погладить несчастного братца по голове.

Но в эту минуту через окно влетел – да так стремительно, что поднялся ветер, – некрупный темно-серый орлан. С размаху ударившись об пол, птица вышла из трансформации... и оказалась девочкой! Черноглазой, черноволосой и кудрявой, примерно наших с Руби лет на вид.

– Салют! Меня зовут Ника, – произнесла гостья, поднимая руку в приветствии. – А вас?

Глава вторая

Обещание орлана

Лес наступает

Центральный

Зал для церемоний не был ни слишком большим, ни слишком помпезным. Все-таки присутствующие собрались не в главном императорском дворце, а всего лишь в здании резиденции на Центральном острове. Стены были обиты гобеленами с изображением драконов и морских пейзажей,

пол выполнен из белого мрамора с фиолетовыми разводами, с потолка, как дань старинной традиции, свисала люстра с множеством свечей. Огромные подсвечники были установлены и по бокам императорского кресла. Назвать его трон было бы, наверное, чересчур. Хотя выглядело оно чудесно – изящная спинка, резные ножки, фиолетовый бархат сиденья – и стояло на возвышении. Над креслом висело изображение герба Империи из майолики²: прозрачный шар, внутри которого можно было разглядеть стилизованную микросхему, над шаром растопырил крылья орлан. Правда, ноги у орлана были почему-то слишком длинными и прямыми, словно птица встала на ходули. Шар обрамляли ветви непонятного растения: не то лавра, не то орешника. Во всяком случае, плоды различались явственно.

В кресле восседала молодая белокурая женщина – очень красивая, с правильными чертами лица, ярко-синими глазами. Ее белый, с синим и золотым, брючный костюм должен был демонстрировать солидарность по отношению к присутствующим в зале орланам в мундирах с позументами, а также к не присутствующему лично, но находящемуся на связи в «Паутине» главному искину. Для удобства общения с ним в стены было вмонтировано несколько микрофонов и динамиков. За креслом застыли охранники. Охрана стояла и у обеих дверей.

² Майолика – разновидность керамики, изготавливаемой из обожженной глины с использованием расписной глазури. (*Примеч. автора.*)

Орланы, один неопределенного возраста, очень тучный, второй – гораздо моложе, с рукой на перевязи, расположились на бархатных фиолетовых стульях слева от женщины. Справа от нее на таком же стуле разместился неизменно одетый во все черное наместник архипелага – грифон.

Молодая женщина подалась вперед, опершись тонкими руками о подлокотники кресла, и голос ее, чуть более надменный, чем требовала ситуация, зазвучал под сводами зала:

– Я недовольна, господа.

Присутствующие опустили головы, и она продолжила:

– С тех пор как его величество император, мой дед, пребывает в состоянии, не удовлетворительном для управления государством, мой отец безвременно скончался, а мать отказалась от прав на престол, я несу это бремя на своих плечах. Но если население материка обладает достаточной гражданской сознательностью и ответственностью, чтобы не создавать проблем своей принцессе, а значит, и себе, то на Спящем архипелаге я с удивлением наблюдаю совсем другую картину. Проблема с техно, оказывается, не решена. Мир и согласие в отношениях людей с искинами, оказывается, не достигнуты. Я все время получаю какие-то жалобы: на нехватку рабочих мест, на плохое образование, на неграмотные действия мэров. Теперь еще беспорядки в стане орланов и самоуправство на Светлоярске. Как это понимать, господа?

Принцесса недовольно оглядела собравшихся. Все молчали, ожидая приглашения высказаться. Откинувшись на

спинку, она положила ногу на ногу и обратилась к грифону:

– Господин наместник! Еще недавно вы были лишь мэром острова Центральный, но убедили меня в необходимости предоставить вам возможность управлять всеми четырьмя островами. Вы обещали ликвидировать раздробленность и упадок. Я согласилась, найдя это разумным, поскольку не имею возможности лично контролировать отдаленные провинции. И что я вижу? Мэр Светлоярска сбежал, господа орланы передрались, техно, как я понимаю, никого не боятся. И еще неизвестно, что произойдет в ближайшее время на Центральном. Возможно, люди начнут громить роботов. Что вы думаете, господин главный искин?

Последнюю фразу принцесса произнесла немного громче.

– Вероятность того, что этот процесс станет глобальным и повсеместным, крайне низкая, – отозвался динамик.

Принцесса свела тонкие брови у переносицы:

– Правильно ли я поняла, что отдельные случаи нападения на роботов появились снова?

– Абсолютно, принцесса.

– Но надеюсь, вы приняли необходимые меры?

– Мы устраняем неполадки, – просвистел наушник. – Мы работаем с молодежью. Мы усилили контроль за учебными модулями.

– Рада слышать это!

Внучка императора повернулась к грифону, глаза ее грозно сверкнули.

– А вы что скажете, господин наместник?

Грифон встал.

– Я должен признать, ваше высочество, что мое правление было недостаточно жестким. Малый срок вступления в должность конечно же не оправдание. Я совершил ошибку, дав мэру Светлоярска шанс исправить причиненный им вред, вместо того чтобы немедленно заменить его, как только обозначилась проблема с техно. И я предоставил слишком большую свободу орланам. Но я могу объяснить это тем, что Империя долгие годы всецело полагалась на орланов, нисколько не сомневаясь в их преданности.

– Это правда, – заметила принцесса и жестом разрешила грифону сесть. – Как же господин гранд объяснит нам безобразия на Светлоярске, который ваши единицы должны были курировать?

Толстый гранд тяжело поднялся со стула. Дышал он прерывисто, и видно было, что стоять ему нелегко. Разглядывая главу Рока-Алада, принцесса задалась вопросом: как же он летает? В мирное время орланам запрещено добираться до Центрального острова по воздуху, и оба гвардейца прибыли на аквабусе. Тем более что у одного из них было повреждено крыло. Но чем дольше принцесса смотрела на гранда, тем крепче становилась ее уверенность: этот грузный орлан вообще не способен оторваться от земли.

– Ваше высочество, я не снимаю с себя ответственности, – чуть осипшим голосом начал гранд.

– Приятно слышать, – усмехнулась принцесса, одарив орлана лучезарной улыбкой. Но глаза ее при этом оставались холодными.

– Но я прошу разрешения вначале предоставить слово моему конде. Он, как непосредственный участник событий, лучше опишет ситуацию.

Принцесса фыркнула:

– Прячетесь за спиной нижестоящего, гранд? Фу, как стыдно.

Гранд страшно покраснел и хотел было возразить. Но принцесса махнула рукой:

– Пусть будет по-вашему. Конде, надеюсь, ваша рана не столь ужасна, чтобы помешать вам встать и поведать нам интереснейшую историю ваших подвигов? Гранд, вы можете сесть. Пока.

Старший орлан тяжело плюхнулся на стул, а молодой вскочил:

– Разумеется нет, принцесса. Я готов рассказать все от начала до конца, с полной искренностью.

Принцесса поудобнее устроилась в кресле и улыбнулась, на этот раз от души:

– Если мы будем слушать историю войны орланов и техно, начиная с Великого поединка, которому уже больше пятисот лет, мы все тут рискуем уснуть. Поэтому от начала до конца – не надо. Не утомляйте нас, конде, расскажите самую суть.

Затем она взглянула на орлана внимательнее и добавила:

– Да, и... назовите ваше имя.

– Антон, ваше высочество.

– Начинайте, конде Антон.

Принцесса небрежно махнула рукой и наклонила голову чуть в сторону, делая вид, что смотрит в окно. На самом же деле она пристально разглядывала симпатичного орлана.

– Ваше высочество, господин наместник, гранд, – заговорил Антон, поклонившись всем по очереди. – Во всем виноват я один, и только я.

– Интересное начало, – оживилась принцесса. – Да у вас мания величия, конде Антон.

– Надеюсь, что нет, принцесса. – Орлан снова поклонился.

– Ну хорошо. Продолжайте.

Принцесса скрестила руки на груди.

– Я проявил непростительную слабость и позволил себе вмешаться в ход событий, влиять на которые не имел права.

– Хм. Вы называете это слабостью? – Принцесса снова разулыбалась, на щеках ее заиграли ямочки. – По-моему, это дерзость!

– Не могу не согласиться с вашим высочеством! – Антон поклонился в третий раз.

– Ну хватит уже реверансов, конде. – Принцесса нетерпеливо затарабанила пальцами по подлокотнику. – Шея переломится. Просто рассказывайте.

– Узнав, что мэр Светлоярска, воспользовавшись полномочиями, ввел в заблуждение Серый орден, с помощью ко-

торого обманом захватил в плен ребенка, не имеющего способностей техноволшебника, я счел своим долгом прийти на помощь девочке.

– Как длинно... Но я поняла. Серый орден, науськанный мэром, схватил ребенка, а вы под влиянием эмоций, не подумав, кинулись его защищать.

– Вы совершенно правы, ваше высочество.

– С отрядом из двадцати орланов, – уточнила принцесса, усмехнувшись.

Антон помедлил, но лишь секунду.

– Не было выбора, ваше высочество.

– Ну да. Выбора не было, армия была, логично.

Антон опустил взгляд.

Принцесса посмотрела на кончики своих туфель и добавила:

– И с помощью отряда из двадцати уно вы обманули рядовых полицейских, подбили островитян на хулиганские действия, вывели из строя Серый орден, спровадили мэра и в довершение всего закрыли Светлоярск дополнительным Заслоном.

– Н-нет, простите, принцесса. К Заслону я не имею отношения.

– И врете мне в лицо! – заявила принцесса и закончила: – Я в восторге!

Гранд и наместник с удивлением покосились на нее: уж слишком было похоже, что принцесса на самом деле востор-

гается речами орлана.

Антон молчал.

– Но больше всего мне хотелось бы знать, конде Антон, одобряет ли ваши действия ваш гранд. А, господин гранд!

– Нет! Нет! Я не одобряю, – поспешно поднимаясь, скороговоркой выпалил гранд. – Не одобряю ни в коем случае, ваше высочество. И прошу снисхождения...

– Не одобряете, но просите снисхождения? – переспросила принцесса. – Для кого? Для этого преступника?

Она глянула на Антона чуть не с обожанием.

– Или для себя?

– Я... ну, то есть... ваше высочество... – залепетал гранд, сконфузившись.

– Угу, – кивнула принцесса, не глядя на гранда. – Господин наместник! А вы чего просите? Милости или кары?

– Милости, ваше высочество, – поклонился грифон, встав. – Конде действовал импульсивно, но храбро и честно. В то время как мэр острова проявил трусость и полное неумение находить общий язык с населением.

– Так-так, – вздохнула принцесса, поднимаясь с кресла. – Значит, вы хором валите все на мэра Светлоярска, господа. Не возражайте, гранд! Валите на мэра, поскольку его здесь нет, и ни подтвердить, ни опровергнуть ваши слова он не может.

Принцесса медленно прошлась взад-вперед по возвышению, ее лицо выражало задумчивость.

– С вами я продолжу позже, господа. – Она кивнула гранду и наместнику. – Сначала закончу с конде Антоном. Пока можете отдохнуть, вас позовут.

Грифон и гранд одновременно поклонились и направились к выходу. Искины, стоящие у дверей, расступились и выпустили их.

– Подойдите ко мне, конде Антон!

Принцесса шагнула с возвышения вниз, орлан сделал шаг к ней.

– Ну их-то мотивы мне отчасти понятны. Особенно гранда: он не хочет выглядеть плохо в моих глазах, в глазах наместника и даже в ваших. А сказать ему нечего. Наместник менее прозрачен, но о его причинах я тоже догадываюсь. А вот что движет вами, орлан? Зачем вам все это? – Принцесса дотронулась кончиками пальцев до раненой руки Антона. – Вы фактически защищали техно и противостояли своей стае, а значит, и Империи.

Она приблизилась и шепнула ему в самое ухо:

– Это пахнет изменой...

– Ваше высочество...

– Валерия!

– Я не смею так называть вас!

– А я настаиваю.

– Принцесса Валерия, поверьте, я предан Империи безгранично!

– Вот как?

Принцесса чуть отодвинулась и взглянула на орлана, прищурившись.

– Преданы безгранично? Но ведь Империя на сегодняшний день – это я. Будете ли вы так же безгранично преданы мне, своей принцессе?

Последние слова она произнесла очень тихо. Их не слышали не только искины, но даже Антон скорее догадался, нежели расслышал сказанное.

– Ваше высочество...

– Валерия! – требовательно повторила принцесса.

– Валерия, я обещаю, что мои крылья и моя жизнь всегда будут принадлежать Империи, а значит, и вам.

– Крылья и жизнь, – задумчиво повторила принцесса, отвернулась от орлана и, вновь взобравшись на возвышение, вернулась в кресло. – И все?

– Что же, более дорогое, чем жизнь, могу я предложить моей принцессе? – помедлив, спросил Антон.

– Думаю, вы прекрасно понимаете, – несколько более прохладным тоном произнесла Валерия. – Например... вашу душу?

Она принялась накручивать светлый локон на палец, при этом глядя орлану в глаза.

– Если вы требуете отдать душу, ваше высочество, то я с радостью сделаю это.

– Ну что ж, – принцесса выпрямилась, – ваша душа теперь в моей власти. И я приказываю: больше никаких глупостей,

конде Антон! Поправляйте здоровье и служите Империи. А что касается техно... слухи об их могуществе преувеличены, не так ли?

– Вы правы, моя принцесса.

Орлан поклонился, на этот раз низко.

– Хорошо. С техно мы разберемся сами. Можете идти. Но будьте в зоне доступности, конде Антон. Я не стану искать вас за Заслоном: прикажу его разрушить. Вместе с вашим Светлоярском, если понадобится.

– Принцесса, надеюсь на вашу бесконечную мудрость.

– Я еще не старуха, чтобы проявлять мудрость, орлан, – не слишком вежливо ответила принцесса. – У меня другие достоинства. Нет, оставьте свои комплименты. Идите и позовите мне наместника. Вы с грандом можете отправляться на острова, но чтобы на Светлоярске навести порядок. Вы меня поняли?

– Более чем, принцесса. Я не пожалею сил, чтобы оправдать ваше доверие.

Принцесса махнула рукой и отвернулась.

Когда конде вышел в коридор, он застал там прогуливающегося грифона и передал ему приказ принцессы. Тот без промедления вернулся в зал. К Антону поспешно подошел гранд.

– Ну как? Прокатило? – спросил он обеспокоенно.

– Не могу поверить, но – да. Нас отпустили домой, – ответил конде вполголоса.

– Ну что ж, – еще тише заметил гранд, – она все-таки женщина. А ты молод и красив.

Он хлопнул Антона по спине.

– Она – почти императрица. И доверять ей я бы не стал, – медленно произнес Антон.

– И не надо.

Затем они оба поспешили к выходу.

– Не могу понять только, почему наместник меня защищал?

– Что ж тут непонятного, – усмехнулся гранд. – Если он скажет, что виноваты орланы, не видать нам Светооярска как белого пера на спине. А ему тоже не хочется, чтобы на остров прислали очередного идиота, с которым надо делиться властью. Лучше уж договориться с нами, как было раньше.

– Но мы ведь не отдадим ему техно? – нахмурился Антон.

– Приложим все усилия. Большого обещать не могу, – серьезно ответил гранд.

Грифон вошел в зал. Принцесса Валерия поманила его пальцем, и он приблизился к возвышению, затем поднялся к самому креслу. Принцесса подала ему знак, и грифон на минуту отключил микрофоны. Теперь главный искин не мог слышать, о чем говорят эти двое.

– Не понимаю, почему вы так радуете за гвардейцев, наместник, но я пойду вам навстречу и помилую вашего орлана. И даже отпущу! – прибавила она, выжидающе глядя на

грифона. Тот поблагодарил. – А теперь – найдите его женщину и избавьтесь от нее.

– А... кто его женщина? – вырвалось у грифона. Видно было, что он не ожидал такого приказа.

– Я не спрашивала! – ледяным тоном заявила принцесса. – Но у таких, как он, всегда есть какая-нибудь женщина. И она меня сильно огорчает! Заранее.

– Я понял, ваше высочество, – поклонился грифон. – Я все сделаю.

– Отлично! – Принцесса махнула рукой в сторону двери и отвернулась.

Наместник поспешил к выходу.

Лес

Лиза и Викусик Нагорные, держась за руки, быстро, как белки по веткам, мчались в сторону Дома.

...Сегодня они проснулись раньше всех в мансарде. Неизвестно по какой причине в Доме вдруг стало тесно. То ли потому, что подросла малышня (да они и сами росли), то ли оттого, что жить в одной комнате такому количеству людей все-таки тяжело, даже если эти люди хорошо знакомые и родные. Второй этаж ведь ни насколечко не увеличивался, рос только нижний зал. Кроме еще нескольких перегородок и стола, в нем появились деревянные кровати – совсем простые, даже без спинок. Теперь внизу было целых четыре комнаты, и можно было спать в нормальных постелях, а

не в спальных мешках. Повезло же некоторым! А тут приходилось мучиться: каждый норовит ноги отдавить, пробираясь к своему спальнику, Леся среди ночи вечно начинает канючить и проситься в кустики. Лялю с Машей пушкой не разбудишь, Даша за день вымотается так, что ее уже жалко. А остальные спят дальше от выхода, им в темноте вылезать неудобно. Вот и приходилось близнецам, лежащим у самой «лестницы», возиться с Лесей, спускаться с ней по извилистому дереву, выбираться во двор да еще убеждать ее, что вокруг не страшно и ни один дикий зверь на них не бросится. Хотя, по мнению Вкусика, Леся ничего не боялась, просто требовала внимания. Вкусик и сама нередко так поступала.

Но сегодня ночью Леся никого не дергала, и близнецы спали как убитые. Зато вскочили с первыми лучами солнца – одновременно, как всегда. Показалось, что в мансарде нестерпимо душно, и они поспешили выйти на улицу.

Пойти к озеру предложила Лиза, Вкусик с удовольствием согласилась. Лес уже проснулся, птички весело здоровались, деревья потягивались после сна, шевеля ветвями. Близнецы шли, взявшись за руки и покачивая ими. В их душах царили покой и умиротворение, пока они не вышли к озеру. То, что Лиза с Вкустиком там увидели, настолько потрясло их, что они стремглав кинулись обратно, сгорая от желания немедленно кому-нибудь это показать.

Женек стоял возле мольберта, пытаясь нарисовать горку для мелюзги. В интернате горка была – правда старая, но все

катались. Здесь же любимого развлечения не хватало. И, глядя на Наткины столбы, на которые дядя Коля успел-таки повесить качели, Женек думал, а не попробовать ли и ему. Что толку от рисования деревьев, озера, неба, дорожек и кочек, если можно вот так запросто сотворить хорошую, практичную вещь. Тем более что Натки сейчас нет – при этой мысли Женек вздохнул, – орланы отвели ее в город техно, объявив, что так будет удобнее для всех.

Высунув от старания язык, как он часто делал, Женек так увлекся, что не заметил близнецов, которые неслись прямо на него и отчаянно махали руками. И только когда Викусик повисла на нем, шепча в самое ухо: «Идем скорее, идем!», а Лиза бросилась под ноги, поднимая уроненные от неожиданности карандаш и ластик, Женек понял, что его атаковали.

– Куда?.. Вы чего? – попытался он слабо сопротивляться, но Нагорные схватили его за руки и потащили к озеру.

– Ты должен это увидеть! – заявляла Викусик, таща Женю за собой.

Сзади семенила Лиза. Со стороны это выглядело довольно комично: ведь Женек был намного выше близнецов и напоминал аиста, ведомого лягушками. Впрочем, он не сопротивлялся: с близнецами проще согласиться, чем объяснить, что вообще-то был занят.

Наконец все трое оказались у последних деревьев, за которыми начинался берег. Нагорные резко остановились.

– Не выходи, стой здесь, – тихо сказала Лиза. – Смотри...

Женек замер и опасливо выглянул.

У озера танцевала белая балерина.

Легкая, как лист на ветру, она кружилась на носочках, едва касаясь земли. Солнечный свет, просачиваясь между стволами, озарял тонкую фигуру.

– Это она, – Викусик легонько пихнула Женька в бок локтем, – та самая...

– Кто?

– Ну ты что, не слышал, что ли? – возмущенно зашептала Лиза. – Легенду про балерину и орлана!

Женьку было известно то же, что и всем в интернате. Перед сном всегда плетут всякие небылицы, часто по многу раз. Но такие рассказы больше интересуют девчонок. Это они рыдают над несчастной любовью и всякими глупостями.

– Я думал, это не на самом деле...

– Как видишь, на самом! – Викусик кивнула в сторону балерины.

– И все-таки как же она танцует со сломанной ногой!.. – восхищенно протянула Лиза.

Со стороны было совсем не похоже, будто у балерины что-то сломано. Когда она поднимала руки, они казались сделанными из хрупкого фарфора. Можно было подумать, что здесь, на берегу, кто-то оставил заводную куколку, удивительно похожую на человека, и завод все не кончается. Прыжок, поворот, мах... Женек невольно вспомнил сказку об оловянном солдатике и танцовщице, которая казалась одно-

ногой, потому что подняла вторую ногу слишком высоко.

Он смотрел широко раскрытыми глазами. Историю про Юлю и белую деву он, конечно, слышал от Славки и физрука. И хотя сама Юля ничего не помнила, а рассказам не верила и, громко возмущаясь, все отрицала, Женек был почти уверен, что все это правда. Поэтому сейчас ему стало чуть-чуть страшно при виде этого необыкновенного танца.

Сзади послышался шорох. Женек быстро обернулся.

Близнецы, схватившись за руки, пытались подражать движениям балерины. И выходило, надо сказать, не так уж плохо. Вот только они мешали друг другу, и в конце концов обе рухнули на траву, наделав шуму.

Балерина моментально остановилась.

– Тише вы, она слышала! – зашипел Женек.

Лиза с Викусиком завизжали и, не помня себя, кинулись прочь по направлению к дому.

Женек не побежал. Сердце отчаянно колотилось, но он спрятался за дерево и некоторое время стоял, прижавшись боком к шершавой коре и не шевелясь. Наконец очень осторожно высунулся.

Балерина больше не танцевала. Наклонившись, она развязывала на ногах ленты. Потом сняла матерчатые тапочки, которые как раз и держались с помощью лент, и надела кроссовки. Кроссовки показались Женьку удивительно знакомыми: такие были у половины девчонок в интернате и даже у взрослых с небольшим размером ноги – например у Даши

и...

Балерина подняла голову, убирая за ухо черную прядь. Луч света упал на лицо.

Это была Ирина Андреевна.

Женек стоял, вцепившись рукой в ствол дерева, не в силах пошевелиться. Конечно, он мог бы узнать ее сразу – что тут сложного! Не знал, что директор танцует, – ну так что? И фигура, и волосы, да и движения – это ведь все знакомо. Разве что он никогда не видел Ирину Андреевну в белом платье с короткой летящей юбкой.

Теперь, когда он узнал директора, казалось неудобным выйти из-за дерева, чтобы, например, поздороваться. Получалось, будто он стоял тут и подсматривал. Хотя так и было. Но ведь он не специально сюда пришел, его притащили взбалмошные близнецы!

Женек осторожно попятился. Ирина Андреевна собиралась уходить, и, чтобы не попасться ей на глаза, он поспешил свернуть на другую тропинку, уводящую в сторону города.

Женек шел быстро, по пути пытаясь осознать увиденное. Он-то считал историю с балериной такой же выдумкой, как и сказку про оловянного солдатика, например. А выходило – это самая настоящая правда! Но если балерина существует, и это их директор, то нет сомнений, что существовал и орлан. И кто же этот орлан?

Увлечшись мыслями, Женек забыл вовремя свернуть к Дому. Тропинка вывела его к развалинам интерната.

Вернее, должна была вывести.

Потому что развалин не наблюдалось. Вместо интерната Женек увидел рощицу – молодую поросль ильмов, будто недавно посаженных. Но что-то подсказывало: их никто не сажал.

Женек подошел ближе. Между стволами все-таки виднелись остатки здания. Но их было так мало, словно кто-то с аппетитом подъял изрядную часть.

Лес добрался до пепелища, понял Женек. Вот так лес!

Женек побродил между деревьями, разглядывая остатки «Зеленого угла». Кирпичная крошка, ржавые трубы и плита вся в копоти, сплюснутые ведра, кастрюли такие же черные, куча пепла... Деревянная мебель и книги сгорели дотла.

Женек еще поразгребал ногами золу, пытаясь отыскать что-нибудь знакомое, например части от рояля. Ведь должен же был остаться рояль? Кажется, внутри были металлические струны. Но то ли он не распознавал то, во что превратился инструмент, то ли лес совсем поглотил его. Зато внезапно нашлась Анина губная гармошка – оплавленная и почерневшая, но это была она. А еще через пару шагов Женек наступил на ключ – большой медный ключ от подвала, который всю жизнь висел у двери на гвоздике.

«Дома нет, а ключ есть, – думал Женек, вертя находку в руках. – Обидно как-то».

Потом рассовал ключ и гармошку по карманам. Казалось неправильным оставлять их здесь.

Он прошел всю рощицу насквозь и наконец очутился у больших ворот. Здесь деревья заканчивались, а дальше, за забором, начинался город техно. Вот только попасть туда через эти ворота теперь было невозможно: деревья подступили вплотную и подпирали их, выстроившись, как на линейке.

– Вот это да... – произнес Женек вслух.

Он осторожно протянул руку между стволами и дотронулся до ворот. Раньше сделать это было нельзя: они кидались искрами и шипели. Теперь ничего не произошло, и Женек беспрепятственно провел пальцами по створке.

«Наташа! Сергей! Как же они выйдут?!» – с ужасом подумал он и, повернувшись, бросился домой.

Глава третья

Монстр пробудился

Подземный ход

Лес

Летучие мыши вовсе не злые. Они просто самые маленькие в десятке волшебных существ, а им хочется быть сильными и свирепыми, как фенриры или драконы. Или хотя бы как грифоны.

Предки Эдгара когда-то были настоящими вампирами и

могли гордиться славными победами не только над кентаврами и единорогами – да-да, бывало и такое! – но и над людьми. Но те времена давно забылись.

Эдгар, впрочем, тоже очень хорошо умел кусаться – питался-то он кровью. И легко мог напасть, например, на спящую горную козу или орлана, если бы орлан оказался глуп настолько, что заснул в тех местах, где водился Эдгар. Маленьких детей тоже стоило спрятать от него подальше. Но вот победить в честном сражении он смог бы разве что белку. Если бы белке зачем-то понадобилось с ним сражаться. Вероятнее всего, она ускакала бы подальше от такой напасти – белка ведь не волшебное существо и глупостями не занимается. Хотя каждый встречный норовит назвать ее духом. Конечно, гораздо приятнее думать, что дух леса – рыженький и пушистый, а не серый, кожистый и противный.

Впрочем, Эдгар не жил все время в лесу и вообще предпочитал остров Рока-Алада, потому что там водились крупные млекопитающие вроде коз, а значит, было что поесть. На прочие три острова он залетал только по необходимости, когда грифон заставлял его следить за кем-нибудь или когда от скуки хотелось поиграть с Тимом в Правило четырех.

Вот и сейчас Эдгар примчался на Светлоярск только потому, что грифон назначил ему встречу, и висел под обрывом, сложив крылья и хмуро отфыркиваясь, когда снизу долетали брызги моря.

Наконец грифон прибыл.

– У меня мало времени, начну с главного, – проговорил он, едва опустившись на землю и даже не сменив обличье. – Я вижу, лес набирает силу – ильмы уже в черте города.

– Я успел это заметить, – пропищал Эдгар. – Из-за чего это, не знаешь?

– Обычно такие вещи происходят или перед большой битвой, или перед большими переменами. Тридцать лет назад, когда погибло сразу много техно, лес тоже разбушевался, помнишь?

– Когда деревья подошли к самой воде? Конечно. Но я думал, с техно это не связано.

– Все четыре стороны связаны. – Грифон ударил лапой о землю. – Поэтому Тим так и печется о Правиле четырех, мечтает сохранить архипелаг в равновесии. А точнее – просто сохранить. Но ничего у него не выйдет: все, что неустойчиво, в конце концов рухнет. И позвал я тебя как раз за этим.

– Затем, чтобы я разрушил архипелаг? – высоко пискнулмышь.

Грифон тяжело вздохнул:

– Я не питаю на твой счет иллюзий. Все проще. Ты должен разбудить Хоришь.

Эдгар вздрогнул, сорвался с обрыва, но на лету поймал равновесие крыльями.

– Зачем?!

– Она должна быть готова. Может понадобится.

– Да она сожрет меня! – запротестовал Эдгар. – Чем ее

кормить? Нет, я отказываюсь!

– Накормишь мышами. Да не летучими! А сам к ней в пасть не лезь. Приведи на берег, сюда. Новое жилище она сама найдет. Сделаешь – продолжай наблюдать за островом. Обо всех изменениях сообщай мне как обычно. Особенно о том, что касается нашей парочки.

– Ты что, серьезно?

– Более чем. Действуй! А у меня много дел.

С этими словами грифон развернул крылья и поднялся в воздух, оставив растерянного Эдгара порхать над обрывом.

Как только он скрылся из виду, летучая мышь, зло оскалившись, устремилась в чащу леса.

Ну вот, опять! Грифон всегда поручает ему самое неприятное. В прошлый раз потребовал отобрать медальон у девчонки. Теперь – это...

Но уж если неприятного поручения не избежать, лучше разделаться с ним побыстрее.

Хоришь жила в той части острова, где ильмы заканчивались и начинались хвойные – тут лес переставал быть светлым, и даже в ясный солнечный день в нем висел полумрак. Жители Дома не ходили сюда – неуютно, да и ягод с грибами почти нет.

Сосны стояли близко друг к другу. Некоторые из них срослись корнями и переплелись ветвями. Корни были толстыми и твердыми, выпирали наружу. Земля под ними осыпалась, образовав пещерку. Там-то и обитала Хоришь. Боль-

шую часть жизни она спала, оживая только изредка в теплое время – на час, на два в ночную пору. И то лишь в те периоды, когда лес был активным и давал ей силу. Сейчас наступил как раз такой момент.

Подлетая к логову, Эдгар с надеждой подумал: «А вдруг Хоришь умерла и ее тело давно съели муравьи? Ведь она много лет не выползала из своего убежища».

Вот и те самые сосны. Эдгар зацепился за нижнюю ветку одной из них прямо над пещерой. Снизу не доносилось ни одного звука, а ведь летучие мыши слышат очень чутко.

Скорее из чувства долга, чем действительно желая что-нибудь обнаружить, Эдгар применил свое главное оружие – звук. Он издал тонкий писк, короткий, но пронзительный. Ничего не произошло. Он мечтал о том, чтобы убраться поскорее из этого места и отправиться на Рока-Алада, охотиться на козочек. Но, представив недовольство грифона, Эдгар пересилил себя и издал писк снова. И еще раз.

Только после третьей попытки темнота зашевелилась, зашуршала.

– Жива, – с неудовольствием протянул мышь. – Да чтоб тебя...

Он сделал пару кругов над корнями, затем отправился искать питательный завтрак для вновь разбуженной.

Лесные мыши жили стаями. Эдгар хорошо знал месторасположение их нор – как раз на границе светлого и темного леса, на косогоре. Сам он на них никогда не охотился: ма-

лявки. Поживиться нечем, а мороки – о-го-го! Но для предстоящего дела мыши подходили как нельзя лучше – только не поодиночке.

Эдгар взлетел над холмом и приготовился. Все знают, что летучие мыши способны издавать ультразвук. Человеческое ухо его не улавливает, тогда как мелкие грызуны – очень даже. Эдгар набрал воздуха и крикнул. Этим звуком он не потревожил бы ни одного из обитателей Дома. А вот население нор забеспокоилось.

Эдгар почувствовал это и повторил попытку. В верхней части холма, из-под опавших листьев и хвоинок вперемиш, высывались усаые мордочки. Эдгар, не останавливаясь, подавал неслышный сигнал. Потревоженные зверьки покинули свои убежища и ринулись вниз по склону. Десятки, за ним другой, третий... сотня. Напуганные, они не могли остановиться или повернуть. Их вел инстинкт самосохранения. Серая река стекала по косоору. А позади над ними летела звучащая угроза и гнала их вперед, к пещере под корнями. Ультразвук преследовал их, словно пожарная сирена бегущих с места катастрофы.

Наконец первые ряды оказались в ловушке. Послышалась страшная возня, затем писк... и чавканье. Эдгар решил, что может теперь передохнуть, и отлетел подальше от логова, повиснув на высокой ветке. Освобожденные из звукового плена счастливчики – задние ряды – прыснули во все стороны. Возня и чавканье под корнями продолжались.

Эдгар знал, что Хоришь не сумеет поймать много грызунов, – слишком мелкие и быстрые. Но много и не надо: став сильной, чего доброго, доберется и до него. К тому же, если она понадобилась грифону для того, о чем подозревалмышь, она должна быть голодной и злой, а не сытой и сонной. А чтобы утолить первый голод после долгого сна, грызунов вполне достаточно. Кого-то сразу съест, кого-то раздавит и сожрет после.

Постепенно жующие звуки затихли, и Эдгар понял: пора. Предстояло еще выгнать сытую тварь из логова, пока она не уснула снова.

На сей раз ультразвук не помог бы. Здесь требовался самый громкий, самый отвратительный визг, на какой только Эдгар был способен.

Мышь подлетел близко, но не к входу в пещеру, а с задней стороны.

И издал именно такой визг.

Внизу заматались, зашуршали и словно бы забили хвостом. Эдгар повторил звук. Еще. Еще. Уже достаточно стемнело; кроме того, в хвойном лесу темень царила почти всегда, а летучие мыши не очень хорошо видят. Так что Эдгар скорее услышал, чем увидел, как огромное темное существо, извиваясь от его визгливых трелей, словно от пинков, выползло из убежища. Теперь оставалось лишь отконвоировать его на берег.

Эдгар залетал то с одной, то с другой стороны, не давая

пленнице развернуться и заползти обратно в пещеру. Он пыхтел изо всех сил, следя, чтобы она перемещалась в нужном направлении. Существо досадливо дергалось, но ползло именно туда, куда направлял его Эдгар, – к обрывистому берегу, в этой части каменистому. Огромное тело скользило по лесному покрову, не замечая колких сосновых игл и острых сучков.

Наконец они оба, Хоришь и Эдгар, вывалились из чащи на открытое пространство. И вот тут осталось совсем немного: лишь подтолкнуть тварь к краю обрыва. Мышь свистнул – на сей раз звук действительно больше напоминал свист, чем визг, – несколько раз подряд, и существо мгновенно достигло края.

О нет, Хоришь не бросилась в море. Она, как и следовало ожидать, свесилась со склона, отыскивая щель. И очень скоро нашла – берег ведь был растрескавшимся. «Охотник» и глазом моргнуть не успел, – а впрочем, моргают ли летучие мыши, кто-нибудь это видел? – как Хоришь спряталась в новом логове. Теперь можно было не сомневаться: просто так она оттуда не вылезет. Только если сильно проголодается.

Аня

При появлении Ники Руби сел на кровати, но продолжал молчать, только хмурил брови. Выглядел он неважно: глаза красные, как после бессонной ночи, – а ведь совсем недавно спал, на щеках яркие пятна. Не очень-то ему идет злиться.

Или ревел, а я не заметила? Я повернулась к гостье:

– Меня зовут Аня, а это... мой брат Руби.

Как же непривычно было это произносить! Но ведь это правда.

– Вы техно, да? – с жаром воскликнула Ника.

– Почему вы нас так называете? – довольно резко спросил Руби. – И кто...

– Подожди! – Я постаралась знаками как можно доходчивее объяснить ему: «Молчи, не задавай вопросов».

– Да я знаю про техно, не бойтесь! – Ника в два счета запрыгнула на стол и уселась на нем, скрестив ноги. – Недавно одних уже привезли. Хоть повеселее стало. А то с утра до вечера: полеты – тренировки, тренировки – полеты. Еще и с мелочью возись – стайный принцип. Ну что молчите, расскажите про себя хоть!

– Ты отлично говоришь по-человечески, – заметил Руби.

– По-моему, все орланы отлично говорят, разве нет? – возразила я.

– Не все треплются, как я! – заявила Ника. – Твой братец прав. Много и хорошо говорят те, кто часто общается с людьми, как полицейские. Я просто часто верчусь среди экскурсантов, даже помогала экскурсии проводить. Ну и... папаша обещал, что со следующего месяца я буду проводить сама!

Похоже, ей больше всего хотелось сообщить именно эту новость. Все равно кому.

Я присела рядом на стол.

– А кто твой папа?

– Не поверишь! – Ника фыркнула. – Гранд Рока-Алада.

Мне это ничего не говорило, и я посмотрела на Руби, ожидая разъяснений.

– Это главный на острове, – пояснил он для меня. – Так ты местная... герцогиня, что ли?

– Наверное, – пожала плечами Ника, свесила ноги и принялась ими болтать. – Кстати, сюда идут.

– Я ничего не слышу...

Как я ни напрягала слух, не смогла уловить ни одного звука из коридора.

– Орланы ходят бесшумно, – как глупенькой, объяснила мне гостья. – Небось еду вам тащат. Я буду поблизости, позже договорим!

Она в мгновение ока бросилась на пол, вошла в трансформацию и молнией вылетела в окно. Вот это скорость!

В комнату действительно вошел уно Илья. Он принес два термоса: один широкий, как для супа, второй – поменьше. На груди у него болтался серый рюкзачок, застегнутый на липучку. Он поставил все это на стол и открыл рюкзачок. Там оказалась глубокая пластиковая коробка, которая легко разбиралась на две половины, а внутри лежали два пластиковых стакана, две складные ложки и две вилки. Мне доводилось видеть что-то подобное у полицейских – это был походный набор, – а вот Руби вытаращил глаза.

– Разве у вас нет нормальной посуды? – спросил он, пока орлан развинчивал термос.

– На ваш счет не поступало распоряжений, – отрубил уно Илья. – Воспользовались тем, что было под рукой.

– Принято, – буркнул мой братец.

В термосе оказался не суп, а просто куски тушеного мяса. Ну, нормальная орланская пища. Во втором было что-то вроде компота из ягод.

– А стульев нет? – спохватилась я.

– В этом помещении стулья не предусмотрены. Кстати, туалет и ванна за ширмой. Комнату покидать не запрещается, но я бы не советовал: можете заблудиться в замке.

– Сколько нам тут находиться? – вновь завел Руби.

– Сколько потребуется. Пока информации нет, – невозмутимо ответил уно Илья. – Приятного аппетита. Позже я вернусь и заберу все. В окно ничего не бросайте.

Мы с Руби переглянулись.

– Мы что, ненормальные? – спросила я.

– Разные бывают пленники, – отозвался уно Илья и ушел.

Мне ужасно хотелось есть, и я стала торопливо накладывать себе мясо в свою половинку коробки. Руби делал то же самое, но при этом сказал:

– У них есть еще пленники. Ты слышала?

– Угу, – кивнула я с набитым ртом.

– Уно Илья сказал про других пленников. Ника говорила про других техно. «Техно» называли нас. Мне кажется,

в этом есть что-то общее, но я не знаю, что такое техно, – выдал Руби и тоже принялся есть.

Я наконец прожевала.

– Что ж ты, такой умный, не знаешь про техно? Тебе папочка не рассказал?

Руби возвел глаза к потолку, будто усиленно вспоминал.

– Анализируя всю полученную информацию, могу предположить, что техно – это люди, способные влиять на технические устройства.

– Какая проницательность! – не удержалась я.

– ...Следовательно, к техно можно отнести меня и, я предполагаю, тебя тоже?

– Да! – ответила я, отхлебывая из стакана.

А ничего так компот, душистый.

В это время вернулась Ника.

– Ого, пируете? – воскликнула она, едва выйдя из трансформации и потирая руки.

– Хочешь с нами? Садись! – Руби пригласил ее, прежде чем это успела сделать я.

Ника с готовностью села прямо на стол. Ну предложили ведь! Кажется, гранды не из тех, кто долго думает и чего-то стесняется.

В подтверждение моих слов Ника схватила ложку, поскольку вилок больше не было, и принялась есть прямо из термоса.

– Какая вкуснота! – заявила она, едва дожевав. – Мы ино-

гда берем с собой термосы, мелюзгу кормить в перелетах. Не всегда можно поймать рыбу или там козу. А они жрать горазды, желторотые! Устают быстро. Некоторые вообще летать отказываются, представляете? Ну и дети пошли, мы такими не были!

Ника внезапно напомнила мне Линкку Хотя внешне сходства не было никакого, а говорила она раза в три быстрее. Но она очень похоже относилась к своим подопечным. Да еще эта форма...

– У вас все ходят в такой одежде?

– В основном да. Она дешевая и не надо часто стирать. Потому что отталкивает пыль. Но сейчас все хотят одеться поразнообразнее. Особенно моя мама и ее подруги. И папа решил приобщать всех к цивилизации. Он так говорит! – Ника хохотнула и откусила изрядный кусок мяса. – Поэтому нужны техно.

Я посмотрела на Руби, но он смотрел только на Нику.

– Уточняю: техно нужны орланам для того, чтобы...

– Чтобы наладить жизнь! Чтобы был телефон, компьютеры, транспорт для тех, кто не умеет летать, например. Чтобы не заниматься все время военной подготовкой!

Ника вскочила и принялась вышагивать по комнате, высоко поднимая колени.

– А вы только этим и занимаетесь? Это же, наверное, невыносимо! Ни книжку почитать, ни...

– Да нет, нормально, – перебила Ника и вернулась к еде. –

Лично мне нравится. Но папа с мамой почему-то считают, что орланы хуже...

Она замолчала, словно спохватившись, и принялась старательно жевать.

Наконец мы съели столько, сколько в нас влезло, и выпили весь компот.

– Ника, ты говорила про других техно, – решила спросить я.

– Да, – кивнула та. – Их привезли недавно. Сейчас они в лабораториях.

– Что это? Где это? – спросили мы с Руби одновременно.

– На плато. Там охранять проще. Можно было бы, конечно, держать их на верхних площадках замка или в комнатах, вот как вас. Но у них там о-бо-ру-до-вание, вот, я слово выучила! Сюда неудобно втаскивать.

Она обвела взглядом комнату.

– Так их охраняют? – спросил Руби. – Чтоб не сбежали?

– Ну не так чтобы очень. Куда им деться с Рока-Алада. Скорее чтобы не разгуливали по острову и не попались на глаза другим. Для их же безопасности.

– Каким «другим»? – не поняла я.

– Ну... Серому ордену, например. Орден не хочет здесь никаких техно, серые против. А папа не хочет ссориться с ними.

– Ты же говорила: твой отец самый главный! Не все ли ему равно? – удивилась я.

– Не все равно, – замотала головой Ника. – Когда управляешь народом, надо уметь договариваться, мне папа всегда так говорит.

– Правда? А наш мэр никогда не договаривался, – вырвалось у меня.

– И где сейчас ваш мэр, знаешь? – прыснула Ника. – Сбежал!

– Да, я слышала...

– Ну вот! – Она вскочила. – Так что, отвести вас к этим техно, что ли? Так и скажите, а то мнетесь все!

– А можно? – воскликнула я.

– Ты знаешь, как туда добраться? – Руби задал более практический вопрос.

– Конечно знаю! Конечно нельзя! Но тем более, значит, надо туда пойти, иначе скучно! Полетели, покажу дорогу!

И она в очередной раз кинулась на пол, влетела в трансформацию и исчезла за окном, словно и не было ее здесь пять секунд назад.

Мы с Руби опять остались вдвоем. И мрачно посмотрели друг на друга.

– Ошибка программы, – проговорил Руби не слишком веселым голосом.

– Где?

– Да мы с тобой! Идиоты. Думали, она нам сейчас все и расскажет, и покажет, а она только посмеялась.

– Может... она просто не сообразила... – Мой голос за-

дрожал, и мне это не понравилось.

В окно, словно бумеранг, вновь влетела Ника. Миг – и она стоит перед нами и хохочет, схватившись за живот.

– Ну и лица у вас, ой, не могу, ну и физиономии, ой, мамочки... Да я пошутила, вы что! Думаете, совсем тупая птичка, да? Забыла, что вы не летаете? Стоят тут, как два дерева над обрывом, ой, держите меня, упаду на землю! Да отведу я вас, отведу. Но не сейчас же! Вечером, когда стемнеет, а лучше ночью! Наши вас пасти, скорее всего, не будут.

Я с облегчением вздохнула.

– А как мы пойдем? Через те коридоры? – Я махнула рукой в сторону выхода.

– Ну конечно, а как еще?..

– А родители тебя отпустят? – усомнился Руби.

– А кто им скажет? Папаня на Центральном, неизвестно, когда будет. А у матушки – дела. Дела у нее, понимаете? Ей не до меня. Так что ждите! Как будет темно до такой степени, что Дар-Эль-Альму не видно, так я вернусь за вами!

И Ника снова оставила нас одних.

Я подошла к окну и осторожно выглянула. Вдалеке отчетливо просматривалась высокая вершина – кажется, та самая.

– Осторожнее. Не перегибайся. Здесь очень высоко, на людей окно не рассчитано.

Я обернулась.

– Что ты беспокоишься обо мне? Еще вчера видеть не хотел.

Руби сделал шаг в мою сторону.

– Я хотел. Я... не знал. Ты моя сестра. Категория важности один. Я исправлю ошибку.

Я отняла руку от оконного проема и посмотрела на Руби. Он выглядел... беспомощным? Пожалуй, нет, не до такой степени. Но ему явно не доставало уверенности.

– Ну тогда... попробуем еще раз? – нерешительно спросила я. – Что делать будем?

– Давай разговаривать! – с облегчением ответил мой брат. – Я хочу узнать о тебе как можно больше.

– А я как хочу! – кивнула я.

И мы, не сговариваясь, плюхнулись на кровать и стали болтать.

Постепенно в комнате стемнело. На небе горели звезды и луна, но их света было недостаточно. И чем же тут можно заняться, перед тем как лечь спать? Еще не так поздно – часов восемь, наверное.

Приходил уно Илья забрать посуду, заодно принес зубные щетки, полотенца и даже пижамы в елочку, для меня и для Руби. А еще у него были с собой песочные часы. Он оставил их на столе и сказал, что, как только пересыплется песок, мы должны лечь спать, потому что орланы живут по расписанию. У нас в «Зеленом углу» тоже был режим, хотя обходиться мы привыкли без часов. Ни на какие наши вопросы орлан отвечать не захотел. Лишь заверил, что с Итаном все

в порядке.

Вскоре Руби уже знал о моей жизни на Светлоярске все. Вот удивительно – ведь столько времени он даже не подозревал о моем существовании. Это я хотела его найти, я стремилась узнать хоть что-нибудь, а он жил себе спокойно. И вот теперь не я о нем слушаю, а он обо мне. Да еще с такой скоростью поглощает информацию, как будто она у него где-то внутри записывается. Точно ли у него нет этого самого мыслешунта? Разве может человек так быстро усваивать и понимать? Ведь я говорю довольно быстро – не как Никашпарю, конечно, но трещу без остановки. А он за все время ни разу не попросил остановиться, не задал вопроса, не уточнил ничего. Слушает – и впитывает, как воду.

– Я накапливаю данные и сразу анализирую, – сказал он в ответ на мои сомнения. – У меня до последнего момента не было сестры. У меня не было информации о сестре – это все равно что сестра не существовала. Понимаешь?

– Не очень. Вообще-то я была. Хоть и далеко.

– Конечно. Но я не знал тебя. Это значит, для меня тебя как бы не было, – терпеливо объяснял Руби. Сейчас характер его казался совершенно другим. – А раз не было... я не мог отвечать за то... ну, за неправильное отношение к тебе, понимаешь? Ведь я не знал, какое правильное.

Это было так странно. И непонятно.

– Люди всегда знают, что такое родные и близкие!

– Наверное, – не стал спорить мой брат. – Но кто для тебя

родной и близкий? Тот, с кем ты много лет живешь рядом, или кто внезапно появляется из ниоткуда и говорит: «Здравствуйте, я ваша сестра?»»

Я задумалась. Он не так уж и неправ. То есть даже, наверное, он как раз и прав!

– Но ведь... – медленно сказала я, – я не виновата в том, что мы не виделись так долго. Я не хотела, чтобы нас разлучали, меня никто не спрашивал. И я хотела найти тебя, понимаешь? Я специально к тебе шла!

– Да. Теперь понимаю. Я был для тебя «категория важности один» даже при полном отсутствии контакта. Я пока не умею так. Но я постараюсь научиться.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– Но сейчас ведь у нас есть контакт? – весело сказала я. – И будет легче! Расскажи теперь ты мне про себя! Что-то я уже знаю, но хочется все-все!

– Конечно, – кивнул Руби. – Откуда начать?

В этот момент в окно, слово волейбольный мячик, влетела Ника. Увлеченные разговором, мы совсем забыли, что она должна вот-вот появиться. Поэтому вздрогнули.

– Сидим? – крикнула она, уперев руки в бока. – И чего сидим-то? Пошли! Кому это надо: мне или вам?

– Тебе, – улыбнулся Руби. – Ну и нам тоже.

– Ну да, и мне, – нехотя согласилась Ника. – А то я тут от тоски умру.

Друг за другом мы вышли в коридор. Он уже не выглядел

особенно темным, поскольку мы только что покинули темную комнату. Мы шли словно внутри скалы – да так оно и было. Правда, мне казалось, что мы идем все время под горку – вниз. С потолка кое-где свисали каменные выросты, похожие на сосульки, но таких мест было немного. В основном потолок был гладким. Пройдя несколько шагов, мы увидели на стене неяркий светильник – продолговатый, с желтой лампочкой на конце.

– Вам надо попросить свечи! Не сидеть же в темноте! – вполголоса заявила Ника. – А электричество в вашу комнату не проведено.

– Свечи? У вас есть свечи? Какие они, расскажи скорее!

– Ну... – Она пожала плечами. – Да вот такие, как этот светильник. Только тут на конце лампочка, а у свечи – пламя. А сама она из парафина. Да ты увидишь!

Когда мы вышли в просторный пустой зал, я убедилась, что Ника ведет нас совсем не тем путем, каким мы попали сюда.

– А там еще охранники, в башне. Мы же не хотим на них наткнуться? Но на ночь они уходят, и возвращаться можно будет тем путем.

«Странные охранники», – подумала я.

В центре зала находилось что-то вроде круглого колодца с низким каменным бортиком.

– Ну вот, – показала на него Ника, – теперь прыгаем туда.

– Куда?! – Такого я не ожидала.

Руби молча скривился.

– Там, внизу, подземный ход. Вернее, колодец, который ведет к подземному ходу.

– А по-другому никак?

– Никак, – вздохнула Ника. – Только здесь мы ни на кого не наткнемся. Если идти другими путями, обязательно кого-нибудь встретим, и тогда уж точно никуда не попадем.

– Мне все время кажется, что ты хочешь обмануть нас, – произнес Руби.

– Да зачем мне это? – обиделась Ника. – Не хотите – не прыгайте, я что, заставляю?

– А если мы разобьемся? – Я заглянула вниз. Конечно, ничего не увидела из-за темноты.

– Не должны! Ну хотите, я первая?

– Ты же орлан... – начала я, но Ника уже прыгнула.

Снизу раздался подозрительный всплеск.

– Эй, давайте сюда! – прозвучал ее голос совсем близко. Видимо, колодец и правда неглубокий, но...

– Там что, вода внизу? – крикнула я, перегнувшись через бортик.

– Ну да.

Кажется, я даже видела Нику. Вон она стоит.

– Мы же промокнем!

– Слушайте, вы идете со мной или нет? – возмутилась Ника. – То вам темно, то страшно, то вода. Хотите – там оставайтесь.

Думая про себя, что происходит что-то невероятное, что я вот так глупо попала на удочку, согласилась идти с малознакомым человеком неизвестно куда неизвестно зачем, — я зажала нос и прыгнула.

Да нет, не очень высоко. И даже не очень много воды. Всего лишь по колено. Я вся мокрая, конечно, потому что обдала себя брызгами. Рядом стоит Ника и как ни в чем не бывало улыбается.

— Эти комбинезоны быстро сохнут, материал такой же, как у нас, я знаю. Не переживай. Эй, Руби! Прыгай к нам.

— Отойдите! — прозвучал сверху голос моего брата — глухо, как будто мы были в колодце. Ах да, мы же и есть в колодце...

Мы отступили в сторону, и Руби плюхнулся сверху, подняв фонтан брызг.

— Мы точно сможем вернуться обратно? — мрачно спросила я.

— А ты так хочешь обратно? — фыркнула Ника. — Понравилось?

Я промолчала. Не понимаю я ее шуток.

В круглой стене колодца довольно высоко от пола был выход. Вода стояла как раз на его уровне и при малейшем колебании начинала заливаться в отверстие. Мы по очереди забрались на высокий порог, цепляясь руками за края прохода, и очутились в полной темноте. В колодец свет проникал хотя бы сверху, в зале были светильники, а здесь царил пол-

ный мрак.

– Тут есть окна под потолком, – сообщила Ника, уверенно идя вперед. – Но снаружи ночь, поэтому толку от них сейчас никакого. Не сомневайтесь, нам туда. Тут один выход.

– А ты знаешь все ходы?

Я еле поспевала за ней. Руби шел позади и вроде не беспокоился, что потеряется.

– Не все. Но в подземный ход не лазил только ленивый.

Последнюю часть пути мы прошли молча. Где-то капала вода, и местами на полу были лужи, в одной из которых я чуть не поскользнулась, в двадцатый раз подумав, что Ника могла бы и предупредить. Но ее, видимо, не беспокоили такие мелочи. Комбинезон, к счастью, действительно почти высох.

– Ну вот и все! – радостно заявила наша спутница и через мгновение исчезла из глаз.

Я прибавила ходу. Миг – и меня обдало ветром. Я остановилась, а сзади мне чуть не наступил на пятки Руби.

Я поняла, что тоннель закончился. Мы стояли на улице.

Глава четвертая

Гигантский волк

Ночь должна закончиться

Центральный

В наушниках грохотал «Дым над водой». Рил сидела боком на мопед, держа в руках шлем, и ждала Арта с Елкой, чтобы ехать в зоопарк. Второй шлем болтался на руле. Вообще-то Рил предпочла бы увидеть одного Арта. И уж конечно, не в обществе зверюшек! Но он заладил: «Племянницу надо

выгулять!» Она типа плакала полдня. Из-за этой...

Рил передернула плечами. Последнее время ей стало казаться, что Арт слишком много говорит о девчонке со Светлоярска. Арт вообще обычно почти не разговаривал – либо молчал, либо пел. А тут его как будто прорвало! Пчелка – то, Пчелка – се... Будто больше поговорить не о чем. Счастье, что она убралась наконец. Забудет – и поскорей бы.

Рил надоело торчать на набережной. Ветер разгулялся, мерзли уши. Она повыше подняла воротник косухи, закрывшись до носа. Похолодало резко, ночью обещали ноль. Скоро на маяке станет неуютно, надо искать новое место, чтобы собираться вчетвером. Или вдвоем...

Рил мрачно взглянула на лежащий неподалеку камень и постаралась посильнее пнуть его. Попала, камень отлетел далеко.

Ей казалось, что она нравится Арту и он готов встречаться. Все было отлично... Пока не появилась эта, с острова. С тех пор Арта как подменили. Сегодня еле уговорила его погулять вместе – да какое погулять! Рил подозревала, что он согласился лишь из-за мотоцикла: пехать до зоопарка далеко, а он с гитарой и с малявкой своей.

Наконец Арт появился из-за угла дома – с гитарой за спиной, но почему-то один. Рил ужасно обрадовалась: не все потеряно, значит! Можно поехать в более приятное место, чем зверинец; для начала погонять по набережной, потом – навестить центральный фонтан, а там и к маяку вернуться...

Песня как раз закончилась, и Рил выдернула наушники из ушей. На дороге лучше не отвлекаться.

Подошел Арт. Шикарной тертой косухи, как у Рил, у него не имелось, была папашина куртка – тоже кожаная и когда-то стильная, но старье старьем. Однако он и в ней казался Рил обалденным красавцем. Это даже немного пугало – обычно пацаны считали красивой ее. Но чтобы *она* вот так запала на парня...

Отогнав дурацкие мысли, Рил перекинула ногу через седло мопеда.

– Привет, – сказал Арт и уселся позади. – Здорово, что тебе уже шестнадцать и можно водить.

– Если это было «с днем рождения!», то спасибо, – хмыкнула Рил, протягивая Арту шлем. – Надень, а то искины прицепятся.

– Ах да. Поздравляю! Прости, у меня нет подарка.

Арт взял шлем.

– Лучший мой подарочек – это ты, – процедила Рил. – Куда поедem?

– В зоопарк, я же сказал.

– Нам-то зачем в зоопарк? – резко спросила Рил.

– Елка с нами будет. Но не везти же ее на мопеде.

С одной стороны, Рил, удрученная своими мыслями, как-то не подумала об этом очевидном факте. С другой... Она пару раз была случайным свидетелем загадочных перемещений Елки, однажды Арт даже помочь попросил – подождать

их в условленном месте. Но объяснять Рил, как это происходит, он не торопился.

Она тоже надела шлем, завела мотор и тронула, быстро переключившись на вторую передачу, а набрав скорость, и на третью.

Дорога летела навстречу, руки уверенно лежали на руле, Арт держал ее за талию, и это было здорово! Рил почувствовала себя почти счастливой.

Но это быстро закончилось. Западный берег остался позади, и они свернули в район Пяти холмов. Зоопарк располагался сразу за сквером. Рил припарковалась на стоянке, шлемы пристегнула замком к мопеду и они с Артом направились к входу куда, на удивление, валом валила толпа.

– А касса? – спохватилась Рил.

– Сегодня бесплатно.

– Никак из-за моей днюхи? – усмехнулась Рил.

– Ты не слышала, что ли? Правительство сделало подарок зоопарку Центрального. Волка привезли. Сегодня всех пускают полюбоваться, чтобы прониклись, поняли, как заботятся о гражданах Империи.

– Волка? И чем это круто?

– Понятия не имею, – пожал плечами Арт.

Шикарным зоопарк не выглядел, скорее уж – скромным. Роль главного украшения до сих пор играл искусственный пруд, в котором обитало множество водоплавающих птиц разной окраски и размеров. Рил, впрочем, считала большин-

ство из них утками. Даже фламинго, по ее мнению, тянул максимум на странного розового гуся.

У пруда было малоллюдно. И даже ползающий по территории симпатичный паровозик сегодня оставался наполовину пустым. Народ толпился в центре, у огромного вольера.

– Ну, где твоя Елка?

– Я сейчас. Ты иди. – Арт кивнул в сторону вольера, а сам развернулся и направился обратно к воротам.

Тяжело вздохнув, Рил поплелась к месту скопления людей.

Вольер стоял здесь и раньше. В нем жили ламы и еще какие-то копытные. Но была ли решетка в четыре человеческих роста, Рил не помнила – последний раз она посещала зоопарк лет шесть назад, еще в младшей школе, с родителями. Ограждение так плотно облепили посетители, что Рил с трудом протиснулась поближе, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Пришлось растолкать соседей локтями. Они, впрочем, в долгу не остались, один раз ее даже дернули за серьгу-кольцо. Она в ответ пнула нахала – им оказался парень с Южного берега – в коленку. Он выругался и попер было на Рил, но, узнав ее, кивнул и как ни в чем не бывало отыскал себе неподалеку другое место для обзора.

Наконец прижатая боком к решетке Рил смогла увидеть зверя, находящегося за ограждением. О нет, он походил на ламу так же, как поезд на детскую коляску.

В центре вольера, прикованный к столбам сразу двумя це-

пиями – а может, и бóльшим количеством, Рил не видела со своего места, – сидел гигантский волк. Рил даже не сразу поняла, что это волк, – он был размером со слона. Да нет, выше слона! Понятно теперь, почему сегодня сюда пришла чуть не половина острова. Таких чудовищ Рил видеть не доводилось.

Но, присмотревшись, она поняла, что зря причислила небывалого зверя к чудовищам. Волк наводил страх, это верно, – и размерами, и исходящим от него ощущением неимоверной силы. Рил даже показалось: вздумай он рвануться, эти тоненькие цепочки его не удержат. К счастью, зверь сидел почти неподвижно, лишь поводил время от времени ухом.

Волк был прекрасен. Шерсть – черная, блестящая, с редкими белыми подпалинами. Глаза... Рил даже с далекого расстояния видела их. Он смотрел внимательно, пристально, почти как человек. Казалось, он наблюдает именно за ней. Рил вцепилась рукой в решетку, не в силах оторваться от взгляда волка, и даже пропустила появление Арта с Елкой.

– Ваа-у-у! – тихо произнес детский голос где-то внизу.

– Ого! – послышалось у самого уха.

Только тогда Рил пришла в себя и оглянулась.

Арт стоял сразу за ее плечом. Елка прилипла к самой решетке – маленькому ребенку пробраться вперед гораздо проще.

– Где его откопали только, – пробормотал Арт.

– Слишком крупная решетка. – Рил кивнула на загражде-

ние.

– Он же здоровый! Коготок не пролезет.

– Зато любой идиот руку сунет – и ням-ням, – не сдавалась

Рил.

– Он на цепях.

Но все-таки Арт взял Елку за плечо. Та даже не заметила.

Людей вокруг, кажется, не становилось меньше – наоборот. Новые все прибывали, а пришедшие раньше не спешили уходить: невиданный волк притягивал все взоры. Скоро у решетки было уже не продохнуть – сзади здорово напирали.

– Может, пойдем уже? – недовольно скривилась Рил, которой надоело стоять, впечатавшись в решетку.

– Елка! – позвал Арт.

– Ну еще чуть-чу-уть, пожалуйста! – заканючила Елка.

– Ладно. Мы тебя ждем.

Арт стал протискиваться через толпу, Рил – за ним. Наконец им удалось просочиться наружу.

– Когда играть будешь?

Арт оглянулся в сторону ворот.

– Да можно прямо сейчас. Вроде начали рассасываться.

Пока давки у выхода нет – самое то. Может быть, поможешь?

Арт расстегнул чехол.

– Ты же знаешь, – усмехнулась Рил. – Мне медведь на ухо... Это что?

На грифе гитары красовалась красно-черная с желтым фенечка. И Рил почему-то сразу догадалась, откуда она там взя-

лась.

– Просто фенька. Если не хочешь петь, я один. У Пчелки получалось.

И Арт принялся доставать гитару.

Тут Рил не выдержала. Равнодушие Арта, его слова о девочке с острова, да еще эта красно-желтая дрянь...

– Просто фенька? *Ее* фенька?

Она сама не заметила, что кричит. Арт удивленно поднял голову. На них стали оборачиваться люди.

Но Рил видела только красно-желто-черную веревочку, источник ее бед. Шагнув к Арту, она дотянулась до гитары и сдернула подарок Ани. А потом швырнула его в толпу. Рил даже не посмотрела, куда бросает феньку.

Но Арт успел увидеть, как веревочка, пролетев через отверстие решетки, упала далеко по ту сторону заграждения.

– Ты что, с катушек слетела? – спросил он поразительно ровным голосом.

– Это ты слетел с катушек! – зло закричала Рил. – Из-за какой-то каракатицы...

Со стороны решетки раздались испуганные возгласы. В следующую секунду толпа дружно ахнула.

Арт и Рил обернулись.

Не увидев Елку на старом месте, Арт, полный нехороших предчувствий, бросил гитару прямо на землю и рванул к вольтеру. Расталкивая людей, наступая на ноги, заехав кому-то локтем по уху, Арт протиснулся к решетке.

Елка была внутри. За загородкой. Она быстро шла по направлению к валяющейся в трех шагах феньке.

Но самое главное – волк, до сих пор изображавший каменную статую, медленно встал. От того и ахнули люди вокруг.

Арт, внутренне холодея от ужаса, но внешне очень спокойно и в то же время громко, чтобы Елка смогла услышать, позвал ее. Она не отреагировала.

– Елка, вернись сюда! – повторил Арт, вцепившись в решетку.

Елка приблизилась к феньке.

Зверь сделал первый шаг.

И стало очевидно, что цепи не мешают ему перемещаться. Возможно, пространство, в котором он мог двигаться, и было ограничено, но насколько, не ясно.

– Елка! – сдавленно крикнул Арт.

Толпа застыла в молчании. Волк шагнул снова. Елка наклонилась, чтобы взять феньку и в этот момент увидела его, поднявшегося и неспешно приближающегося. Сжав феньку в кулаке, Елка медленно выпрямилась – да так и стояла. Маленькая девочка, к которой неуклонно приближался исполнский волк. Мысли стремительно проносились в голове у Арта: «Крикнуть? Молчать? Звать на помощь? Бежать вокруг решетки, пытаясь отпугнуть зверя? Какая нелепость!»

Волк снова шагнул к ней. А в следующую минуту встретился взглядом с Артом.

Арт смотрел прямо в глаза зверю. Глаза у волка бы-

ли большие, карие, с крупными черными зрачками. Взгляд слишком внимательный – звери так не смотрят, даже собаки, подумалось Арту Он смотрел на волка, а волк смотрел на него.

И в этот момент Арт ощутил странное чувство, которое уже испытывал однажды. Так было, когда он, провожая Аню, играл ей вслед на гитаре.

Внутри как будто проснулась сила. Но не просто сила. В тот раз было ощущение, что он играет гениально. Потрясающе. Как никто. Потом это не повторялось.

А сейчас словно была даже уверенность, что зверь его поймет. И больше того – послушает. Если только Арт не сделает какую-нибудь ошибку.

Он не отводил взгляда от волчьих глаз. Они как будто сцепились взглядами – зверь и юноша. Арту казалось, что он уже даже не дышит, и сердце его не бьется, хотя на самом деле сердце колотилось сильно, просто он не замечал этого. Он набрался смелости...

«Стой! – мысленно сказал Арт. – Стой! Не трогай!»

Зверь прищурился. И остановился.

Люди вокруг, все, как один, громко выдохнули. Арт тоже перевел дыхание.

– Елка, – негромко позвал он, – иди назад. Иди. Назад. Ко мне. Медленно.

Елка осторожно попятилась. Зверь продолжал стоять неподвижно – Арт держал его взглядом. Когда оставалась

пара шагов до калитки, Арт внезапно понял, что больше не удержит волка, – резко закончились силы.

– Елка, сюда, быстро! – произнес он погромче.

Елка повернулась к нему и побежала.

Он не видел момента, когда она проходила через решетку – наверное, моргнул. Или это просто невозможно было увидеть.

Но секунду спустя он понял, что она уже рядом с ним. И, рухнув на колени, сгреб ее двумя руками, обнимая. Елка тоже вцепилась в Арта. Говорить никто из них не мог. Плакать – тоже. В голове билась только одна мысль: «Все кончилось. Все кончилось».

Арт не видел, как слегка разочарованный волк вернулся на место. Не слышал, как люди вокруг взволнованно переговариваются, гадают: что же случилось? Как, а главное, когда маленькая девочка сумела открыть дверь и попасть внутрь, когда успела закрыть ее, да так, что теперь никто и найти не может эту дверь, где она вообще? Служители зоопарка, примчавшиеся на шум, пытались уверить толпу, что такого просто не могло случиться. Что никакой двери в заграждении вообще нет, а часть решетки раздвигается – и вовсе не в этой стороне вольера, а напротив, в самой дальней. Нет-нет, это не опасно, ведь при раздвижении остаются вертикальные прутья, между которыми проходит человек, но такой огромный волк протиснуться никак не может.

И вообще все это людям привиделось. Очевидцы, кото-

рых было немало, принялись переругиваться со служителями, оставив без внимания Арта с Елкой, что дало им возможность спокойно уйти. Поднявшись и слегка пошатываясь от только что пережитого напряжения, Арт взял Елку за руку и отвел в сторону. Потом поднял с земли гитару и, кое-как запихнув в чехол, поспешил увести племянницу из зоопарка. О том, чтобы сейчас играть, не могло быть и речи.

Краем глаза заметив Рил, которая видела всю сцену и пыталась что-то сказать, Арт бросил ей:

– Уйди.

Она отстала.

Вместе с Елкой и гитарой он вышел за ворота.

Светлоярск

– Заканчивай, Наташка. Ногу отобьешь.

Сергей отошел от ворот, в которые они с Наткой Каравановой молотили битый час, и сел прямо на землю. Закат давно наступил, Сергей чувствовал это. Но Город-заворотами отказался их выпускать.

– Ты думаешь, орланы специально нас тут закрыли? – тихо спросила Натка, перестав стучать пяткой по створке. Нога действительно уже гудела.

Сергей вздохнул:

– Вряд ли. Орланы ведь теперь на нашей стороне. А они хотели, чтобы я тебя всему научил, – мы им для чего-то нужны. Зачем же нас тут замуровывать?

Ворота не просто не открывались – они перестали излучать свет. Тьма стояла полная. Сергей нащупал в кармане фонарик и в который уже раз попытался включить его.

Бесполезно.

Тогда он выпустил пятно света – оно было единственным и очень бледным, но позволяло хотя бы видеть то, что находится рядом.

– Скорее всего, что-то случилось, – добавил Сергей. – Где ты там, Наташка?

Он протянул руку наугад. Через секунду Наткины пальцы нащупали его ладонь.

Теперь два техно сидели рядом без света, не понимая, что происходит.

– Знаешь, я только комиссару доверяю, – уверенно сказала Натка. – А ведь не он нас тут закрыл.

– Думаешь, стоит поискать другой выход? – помолчав, спросил Сергей. – Ты не замерзла, кстати?

– Нет! – Натка встала и застегнула куртку. – А вот ты сейчас замерзнешь, вставай давай!

Она протянула Сергею руку и в темноте коснулась фенечки. Сергей тоже поднялся, отряхивая штаны.

– Феньку... Аня тебе подарила, да? – неожиданно для себя спросила Натка.

– Хм. Да. Как ты догадалась?

– Я ее еще в башне разглядела. Анин узор, с узелками. А я тоже умею! Но я не так плету.

Сергей посветил на руку. Серебристая рыбка заиграла отблесками.

– Как же я забыл? – вдруг хлопнул себя по лбу Сергей. – Это же проводник! Мы с Аней открывали один раз ворота. Только нужен еще механизм. Пойдем!

И он рванул было в сторону карусели. Но, не пройдя и нескольких шагов, вдруг почувствовал такую слабость, что пришлось остановиться и прислониться к забору.

– Что за гоблин...

– Что с тобой? – с беспокойством спросила Натка.

– Не знаю... Голова ужасно кружится.

Пятно света на земле съежилось и замигало, словно собираваясь вот-вот погаснуть.

– Чем тебе помочь, скажи?

Сергей и рад был бы что-нибудь сказать, но внезапно даже губы перестали слушаться. У него вырвался только стон.

– Ой-ой-ой, пойдем-ка отсюда! Здесь место плохое, – решила Натка. – Обопрись на меня!

Каким-то чудом им удалось сделать два шага в обратном направлении. И как только они их прошли, Сергей понял, что может говорить.

– Что... это было? – с трудом произнес он.

– Не знаю. Шагай! – отозвалась Натка, которой приходилось нелегко: попробуйте-ка тащить на себе взрослого пятнадцатилетнего парня.

Еще через пару шагов Сергей смог выпрямиться и идти

самостоятельно. Пятно света засияло ярче и уже не мигало. Они остановились.

– Гоблин! – пробормотал Сергей. – Было такое чувство, что сейчас умру.

– Давай больше не пойдем туда! – испугалась Натка. – Что там такое?

– Да там старая карусель! В прошлый раз мы с Аней ее раскрутили, и открылись ворота! Я хотел снова попробовать, а тут вон что...

– Ворота открываются с помощью карусели? – не поняла Натка.

– Нет, конечно. Это странная история. Пошли домой, расскажу по дороге.

Когда они вернулись в сторожку, Натка уже знала и про Тима, и про Эдгара, и про необычное место.

– Бред, да? – закончил Сергей, усаживаясь на диван.

– Почему бред? Я верю. Только не понимаю, что делать, – ответила Натка, вскарабкавшись на высокий стул. На столе еле-еле теплилась Эйфелева башня.

– Я тоже... – ответил Сергей, чувствуя, что ужасно устал. У него закрывались глаза.

– Ложись спать. Ты какой-то замученный, – сказала Натка.

– Угу...

Сергей рухнул головой на подушку и тут же задышал размеренно, как дышат только спящие.

Натка выпалась днем. Наклонившись к Сергею и убедившись, что он действительно мирно уснул и ничего плохого в ближайшее время с ним случиться не должно, она вернулась к столу. Огонек на башне-светильнике едва мерцал. Просто так сидеть было скучно, очень хотелось рисовать.

Натка знала, что в мастерских есть и карандаши, и даже остатки красок, но идти туда одна в темноте не решилась. Взяв в руки светильник, она собралась пошарить в шкафу. Сергей, правда, говорил только о том, что рисует светом. Но если он художник, должны же дома быть какие-то рисовальные принадлежности!

Шкаф стоял в углу. Натка открыла дверцу и принялась рыться на полках. Орланы хоть и оставили ей наскоро собранный рюкзак с одеждой, но мольберт, картон, карандаши – все осталось в лесу. Натка рассчитывала забрать остальные вещи после заката – и вот пожалуйста!

В шкафу не нашлось ничего, кроме старого тряпья. Натка захлопнула дверцу и прислонилась к ней спиной, сердито выпятив губу. В комнате еле-еле проступали очертания предметов. Диван, стол, два стула, напольные часы, печка.

Печка! Ну конечно же!

Поставив светильник на стол, Натка бросилась вон из стожки. Эта печка ей ничем не поможет, она электрическая, и Сергей ею не пользуется – не хватает мощности. Зато существуют другие печки, которые топят дровами, а от дров остаются угли! И угли совершенно точно остались от костра,

который Сергей разводил сегодня за домом, чтобы пожарить рыбку.

Вот такая цепь рассуждений привела Натку к потухшему огню. Глаза уже привыкли к темноте, тем более в небе зажглись звезды. Натка набрала целую пригоршню углей и вернулась в сторожку.

Бумаги нет, ну что ж, сойдет и стол.

Эйфелеву башню Натке захотелось нарисовать сразу же, как только она ее увидела. Какие линии! Какая симметрия! Сергей сказал: это только маленькая копия, а существует настоящая, большая, далеко отсюда. Не может этого быть! Нельзя построить такое, такое...

Натка рисовала так усердно, словно собиралась победить в конкурсе. Под конец она, сама не заметив, начала бубнить слова песенки про кораблик. Вторую часть она вспомнила не сразу, но зато, когда слова пришли, строчек оказалось даже больше:

*...Сквозь светлый лес бежит дорога,
Четыре сходятся в одном,
Один подружится с нулем,
И солнца станет очень много!*

Последнюю строчку Натка додумала уже со слипающимися глазами. Рисунок был готов. Художница уснула подле своего творения.

– Наташка, это как? Откуда это? Да проснись же скорее!

Сергей тряс Натку за плечо. Она подняла голову и открыла глаза.

– А? Что?

– Я *тебя* спрашиваю: «что». Откуда ты это взяла?

Натка смотрела на Сергея и моргала.

– Что ты на меня глядишь? Я про башню спрашиваю!

Натка, протирая глаза, смотрела на два слабо сияющих светильника. Почти одинаковых, только один был гораздо темнее, и не могла понять, чего хочет от нее Сергей.

– А что с башней не так? И с какой из них?

– С какой из них?! – закричал Сергей. – Да их же две! И обе светят! Ты как это сделала? Только не говори, что нашла ее в печке!

– Печка электрическая, – машинально ответила Натка и наконец проснулась.

– Вот именно! Покажи руки!

Натка показала ладони. Они были совершенно черными.

– Нарисовала! Неужели нарисовала?

– Угу.

– Знаешь, а я не верил. Когда дядя Коля рассказывал про твои качели, я решил, что он преувеличивает. Но оказывается, ты даже лучше, чем он думал.

Натка смотрела на две башни рядом и улыбалась:

– А я не знала, что так сумею. Мне просто ужасно хотелось ее нарисовать.

Сергей, облокотившись на стол, взглянул прямо ей в глаза.

– А ты можешь ужасно захотеть нарисовать солнце?

– Солнце?! Нет. Я умею только строения. Ну или... стул могу нарисовать.

– Еще один стул нам не нужен. А дверь сможешь?

– Конечно, – кивнула Натка.

– Тогда нарисуй нам выход отсюда!

Натка задумалась:

– Ты считаешь, получится?

– Да почему же нет? Эйфелеву башню куда как сложнее нарисовать, чем какую-то дверь!

– А где рисовать, на стене? Или пойдем опять к воротам? А может быть, они уже открылись! – спохватилась Натка.

– Не открылись, я только что оттуда. И мне опять рядом с ними стало не по себе. Я поскорее смотался.

– Не ходи туда один!

– Не пойду больше. Хотелось проверить... А в сторожке мы рисовать не будем, идем со мной!

Сергей схватил Натку за руку и потащил к выходу. На этот раз он повел ее на мост, там Натка еще не была. По краям, видимо, стояли фонари – они светили так же тускло, как и настольные башни, и тут же гасли за спиной. Натка перестала различать, ночь сейчас или уже утро. По ощущениям вроде должно быть утро. Но над ними висело все то же звездное небо.

– Сейчас ночь, Сереж?

– Ночь, Наташка. Иногда кажется, что из этой ночи мне не выбраться. Просто не выбраться. Она никогда не закончится.

– Зачем ты так говоришь? Конечно, мы выберемся!

– Больше не буду, извини.

Внезапно мост уперся в кирпичную стену.

– Ой! Он что, никуда не ведет? – удивилась Натка.

Сергей глубоко вздохнул:

– В том-то и дело, что ведет. Там слепая дверь. Но раньше она открывалась только оттуда. А теперь я хочу, чтобы ты попробовала нарисовать ее здесь. Может быть, тогда мы сможем ее открыть.

– Слепая дверь? Это через которую Аня пришла из тренерской? – поняла Натка.

– Именно.

– Но как она может быть здесь? Разве интернат находился в этом месте? И он же разрушен! Откуда тогда кирпичная стена? Ты не перепутал?

– Нет.

Сергей постучал по кирпичикам.

– Знаешь, были такие техно – мастера дверей. Они могли проложить путь...

Сергей задумался.

– Куда угодно?

– Не совсем. Туда, куда очень сильно хотели попасть. Вот тебе очень сильно захотелось нарисовать башню – и получилось. А если я попрошу нарисовать... например, просто

ящик, он получится настоящим?

– Какой еще ящик! – засмеялась Натка. – Конечно, не получится, он же нам не нужен.

– Вот! Так и с дверями – ну, с путями. Этот путь проложили потому, что кто-то очень-очень сильно хотел попасть из того дома, где позже разместили интернат, сюда, в город. Я даже не знаю, в каком году это было. И теперь никто уже не узнает. Этот ход обнаружили случайно, но очень давно.

– А почему он открывается только в одну сторону?

– Когда техно прокладывает слепую дверь, в конце пути его кто-то должен ждать. И лучше друг. Видимо, здесь, в городе, кто-то ждал так сильно, что проход остался на долгие годы. А вот на той стороне не дождались, поэтому слепая дверь работала только оттуда сюда.

– Но нас ведь... вряд ли кто-то ждет на развалинах интерната!

– Но ты и не мастер дверей – ты «видящая», как я. Путь уже проложен, нам надо только нарисовать дверь, чтобы в него попасть.

– Ой, а что же мы не взяли уголь! Вот дураки! – всплеснула руками Натка.

Но Сергей стоял спокойно и только улыбался.

– Или... ты хочешь сказать...

– Угу, – кивнул Сергей. – Это не простое место. Я думаю, мы должны сделать это вдвоем. Возьми меня за руку.

Натка взяла, и они вместе вытянули руки вперед. Ла-

доть Сергея была направлена на кирпичную стену. Спустя несколько секунд из его раскрытой ладони прямо на стену заструился узкий луч света. И он был, пожалуй, ярче, чем до сих пор.

– Рисуй!

Натка, замирая от радости, уверенно провела линию. Снизу вверх. Затем – дуга. Сверху вниз. Луч послушно бежал за руками, словно выпущенный из тонкого фонарика. Готово. Но это только проем. Теперь прорисовать петли, чтобы дверь, когда ее откроют, не рухнула прямо на них.

А в том, что у них получится открыть дверь, Натка почему-то уже не сомневалась.

– Ты умница, Наташка, – прошептал Сергей прямо ей в ухо, и сердце отчего-то забилось так, словно им выстрелили из рогатки: оттянули на резиночке, а потом резко отпустили.

Вот и закончена дверь. Осталось только нарисовать ручку – и можно будет попытаться открыть.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила Натка.

– Отлично! А ты?

– Да я-то что. – Она пожала плечами.

«А я влюбилась. Я это точно знаю», – додумала она про себя.

Наконец ручка была закончена. Дверь была здорово нарисована, но именно нарисована. Она пока не выглядела настоящей.

– Подождем? – вполголоса спросила Натка, повернувшись

к Сергею.

– Ага, – также тихо ответил он.

А потом осторожно притянул ее к себе – и поцеловал.

Глава пятая

Темный навес

Битва на косогоре

Аня

Поблизости плескалось море – я чувствовала его соленый запах.

– Но нам же не к морю?

– Нет. Нам нужно наверх, к горам, на плато, идемте!

Ника двинулась вперед, но я почти не слышала ее шагов.

– Давай ты будешь что-нибудь говорить, а? – взмолилась я. – А то мы потеряемся.

– Ну, если мой треп вам еще не надоел, – беззаботно отозвалась Ника, – то я никогда не против. Нам только до лестницы добраться, а там фонарики.

Я понятия не имела, где мы идем. Под ногами попадались твердые камни, видно было еле-еле, от этого я чувствовала себя неуютно. Ника что-то трещала по поводу того, как красиво здесь днем – море, долина, склоны... Но я этого не видела, и мне было все равно. Темнота становилась все гуще и гуще.

«Ищи меня в темноте», – вспомнилось внезапно. Сергей очень далеко и не услышит. Я так давно не видела его и ничего о нем не знаю. Я обещала помочь ему и до сих пор не выяснила как. А хуже всего то... Хуже всего то, что сейчас мне хотелось бы увидеть вовсе не его.

– Осторожней, тут перила! – предупредила Ника.

Поздно. Я уже ткнулась в них лбом. К счастью, несильно.

– Что ж ты раньше не сказала, – пробормотала я, потирая ушибленное место.

– Извини, не подумала! Поднимайтесь осторожно. Лестница прочная, но крутая. Аня, давай вперед.

– Может, лучше ты первая? – вмешался Руби.

– Не, я утопаюсь, вы что. Я ж не ходилка. Я – леталка. Буду поблизости, не бойтесь.

– Ты же говорила: здесь будет освещение, – заметил Руби.

– Наверное, его не зажгли, – беспечно ответила Ника. – Зажигают, только когда нужно.

– Нет, я в темноте не полезу! – воскликнула я. – Страшно!

– Ну вы техно или нет? – фыркнула Ника. – Если вам нужно освещение, сделайте что-нибудь. Лично мне его не надо.

– Включись! – услышала я голос Руби, прежде чем успела что-либо сообразить.

В тот же миг прямо перед нами высветилась узкая дорожка, резко уходящая вверх. Это и была лестница – в самом деле очень-очень крутая.

– Ты тоже умеешь со светом, братик, ты – видящий?

– Я не знаю, что это, – пожал плечами Руби. – Со светом или нет, мне все равно. Я умею разговаривать с техникой, и она подчиняется.

– Ой-ой-ой! – насмешливо протянула Ника. – Какие мы великие.

Даже при свете фонарей было видно, как покраснел Руби.

– Л-ладно, – поспешила вмешаться я, чтоб не смущать его. – Полезли уже. Руби, давай ты вперед, я боюсь.

– Хорошо, – без возражений согласился братец и затопал по металлическим ступеням.

Ника вновь стала орланом и унеслась вверх. А я начала осторожно подниматься вслед за Руби.

Он говорит, что не «видящий», а... какой-то другой. Сергей рассказывал, что техно могут отдавать команды искинам, но лампочки же не искин! Вон, обычные провода с двух сто-

рон протянуты. Сергей бы, наверное, знал, как это происходит. Он очень умный. Все умеет. А Арт, он... «Просто Арт», как сказала Елка.

Холодные перила, свет фонарей, крутые ступени. Чем выше мы поднимались, тем сильнее становился ветер.

– Ты там как? – Руби оглянулся через плечо. – Сдувает? Держись крепче, ладно?

Я улыбнулась и кивнула. Надо же... Братец проникся, похоже. Заботится вот. Наверное, подкрутил себе какие-то винтики. Так однажды сказал дядя Коля, а комиссар услышал и рассердился. Ему не понравилось про винтики. А еще иногда говорят «подкрутить шарики»...

При мысли о шариках представились теннисные, а следом – бомбы-вонючки. И тут же я опять вспомнила Арта. Как он стоял на пирсе, а вокруг него полыхало красным и желтым. И почему так интересно... Случайность? Как мне хочется к нему! К просто Арту, у которого слишком быстро меняется настроение. С которым бывает так сложно. Ну вот зачем, зачем я уехала с Центрального!

Лестница все тянулась. Я вздохнула. Вот уже и брата нашла, и вроде он становится «нормальным». А я зачем-то думаю об Арте.

И не могу не думать.

Сверху примчалась Ника-орлан, начала над нами кружить.

– По-моему, она пытается что-то сказать. Ты понимаешь

орланов, Руби?

– Нет. Орланов – не могу, – признался братец. – Я, к сожалению, не искин. О, я вижу, где кончается лестница. Осталось не так уж долго, держись, сестра!

Ого! Прогрессирует. Скоро запомнит, как меня зовут.

Мы находились уже на большой высоте, ветер здесь казался до того злым, что пытался, похоже, выдуть мне мозг через уши. Приостановившись и отпустив одной рукой перила, я кое-как натянула капюшон. Ну вот, другое дело! Еще немного вверх, а потом еще немного, и вот уже Руби влез на неведомое плато. А вслед за ним и я. Ветер, гулявший здесь, был просто ошалевшим. Мой капюшон сорвало с головы, и он хлопал позади, словно флаг.

– Там кнопка есть, застегни, – посоветовал Руби.

Я воспользовалась советом. Брат тоже накинул капюшон и стал похож на пингвина. Видимо, я выглядела так же.

Вдалеке, ближе к еле угадывающимся вершинам, маячило что-то светящееся. Было непонятно: движется оно или стоит.

– И где тут кто-нибудь живой? – Я перекрикивала завывания ветра.

– Да вот же! – показал Руби.

Даже после этого я не сразу заметила в паре шагов прилепившийся к горе домик. Он напоминал полукруглую палатку, только очень большую. Внутри горела лампочка. Окна были хоть и широкие, но не слишком прозрачные – свет

еле-еле проникал наружу, поэтому очертания дома едва виднелись.

– Пойдем туда? – громко спросила я.

– Ой, а этого я еще не видывала! – воскликнула внезапно появившаяся Ника. И когда она успела выйти из трансформации? Белый комбинезон чуть светился. – Это свет от фонариков отражается. Так специально! Пока летала – «зарядилась», – пояснила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.